

A dramatic book cover illustration. On the left, a young man with dark, messy hair and a determined, slightly grimacing expression looks towards the right. He has glowing blue energy or lightning bolts running down his face and across his right arm. He is wearing a dark hoodie. On the right, a large, dark, furry creature with glowing orange-red eyes and a wide, bloody mouth full of sharp teeth is lunging towards the man. The creature's right paw is raised, with its claws extended towards the man's arm. The background is a fiery, orange-red landscape with dark, skeletal structures. The overall tone is intense and action-packed.

ВЫ ОСТАВИЛИ МЕНЯ ТВАРЯМ

ААРОН РОДОВИЧ

ТОМ 1

Арон Родович

Вы оставили меня тварям I

<https://litres.ru/74584834>

SelfPub; 2026

Аннотация

В мире Разломов слабым тоже находят применение. Просто об этом не пишут в объявлениях о наборе.

Я думал, самое страшное — оказаться бесполезным.

Ошибся.

Теперь люди, которым раньше было плевать, жив я или нет, слишком настойчиво хотят знать, что со мной произошло. Одни предлагают защиту. Другие — деньги. И все почему-то спрашивают о моём отце.

Он не вернулся из рейда шесть лет назад. Мне сказали, что слабые долго не живут.

Я поверил.

Но кое-кто очень не хочет, чтобы я узнал, как долго умирают сильные.

Меня зовут Лёша Кубраков. Ещё недавно мне нечем было угрожать этим людям.

Теперь есть.

Только я пока не уверен, что оно на моей стороне.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	31
Глава 4	47
Глава 5	63
Глава 6	79
Конец ознакомительного фрагмента.	83

Арон Родович

Вы оставили меня тварям I

Глава 1

Приманка

Я сполз по холодному бетону, попробовал выпрямиться и снова упёрся затылком в стену. Ноги мелко дрожали. Я прижал пятку к стене, попробовал остановить хотя бы одну — подошва всё равно постукивала по бетону. Запах горелой резины въедался в ноздри, сладкий и тошнотворный, как испорченный торт. Дым забивался в рот при каждом вдохе. Я прикрывал губы рукавом, втягивал воздух через ткань — и всё равно чувствовал горелую резину на языке. Рядом сжались пять детей. Самые маленькие уже не плакали, они только хрипло всхлипывали, прижимаясь друг к другу; между ними уже негде было просунуть руку, но каждый старался подвинуться ещё ближе. Два раненых D-ранга из нашей группы лежали на полу, один бредил, второй молчал, глядя в потолок остекленевшими глазами.

Я пересчитал детей, пока ещё видел лица. Старший мальчик, лет двенадцати. Девочка чуть младше него. Мальчик в

одном кроссовке, прижимавший к груди второй, разорванный. Девочка лет семи. И такой же маленький мальчик, лежавший головой у старшей на коленях. Пять. Их надо было вытащить. И самому выйти: мать ждала звонка, а я ещё вчера обещал, что этот рейд — просто разгрузка.

Над головой скрипнул металл. Люк закрывался. Крышка ударилась о раму. Я зажал зубы, но уши всё равно заложило; вместо треска огня несколько мгновений слышал тонкий звон.

— Ефим! — Я задрал голову к люку и закричал в темноту шахты, где ещё секунду назад была светящаяся рамка выхода. Снизу он мог не увидеть маленьких; я отодвинулся от стены, чтобы хотя бы услышал меня. — Командир, там же дети! Нас оставили?!

Голос Ефима прорезался из динамика коммуникатора, закрепленного под люком; я раньше не заметил его за поперечиной лестницы. За помехами я узнал его голос. Ефим говорил ровно, даже когда называл нас приманкой, и я ещё несколько секунд ждал, что ослышался.

— Кубраков, держите строй. Пока ядро не стабилизируется, вы приманиваете мусорную волну. Эвакуация вторичного контингента начнется после очистки сектора. Не открывайте люк изнутри, это нарушит герметичность фильтра. Считайте это приказом.

Щелчок. Тишина. Только треск горящих балок и чье-то детское дыхание, ставшее слишком частым.

Я посмотрел на свои руки. Они были грязными, ногти обломаны, костяшки белыми от напряжения. Мне двадцать один год. Я вылетел со второго курса, чтобы не позорить мать перед соседями, а сейчас даже объяснить матери, почему вылетел, казалось лёгким делом. Хотя бы добраться до того разговора. Я сжал грязные руки: Ефим уже назвал нас приманкой, и ждать, пока он передумает, означало сидеть здесь до первого прыжка твари.

Я ещё ждал щелчка в динамике. Вдруг Ефим не отключился, вдруг сейчас услышит и откроет. Поднял руку к люку — и опустил. Он всё слышал. Про детей слышал. Это был его приказ. Я повернулся от лестницы к другой двери.

— Вставай, щенок, — прохрипел один из раненых, мужчина с разбитым лицом. Он попытался перевернуться на бок, зажал рукой живот и больше не двинулся. — Если будем стоять, нас найдут быстрее.

Я не ответил. Я едва удержался, чтобы снова не заорать Ефиму в динамик. Что толку: он сидит за люком, а дети кашляют рядом со мной. Я рванул к двери, которая вела в технический коридор. Упереться в дверь можно было всем весом, но что мне этот вес против железобетона? Замок торчал снаружи. Я поискал засов со своей стороны: хоть бы было за что ухватиться и дёрнуть. Ничего. Кто додумался запереть запасной выход снаружи? Разбираться с ним я буду наверху. Если выберусь.

Я разогнался и ударил левым плечом в дверь.

Хруст.

Я услышал хруст и сперва решил, что поддалась дверь. Успел обрадоваться — и меня повело вбок. Хрустнуло в плече. Боль мешала даже удержать голову прямо; я всё ещё смотрел на дверь, никак не веря, что сломал только себя. Ноги подкосились, я рухнул на колени, царапая кожу об бетонный пол. Дверь не шелохнулась. Я поднял глаза на край полотна: даже щель между дверью и рамой осталась прежней. Всё, чего я добился, — теперь и подняться было больно.

— Черт... черт... — шептал я, пытаюсь подняться. На каждом ударе сердца в плече дёргало. Я попробовал ещё раз, уже рукой: если хоть немного поддастся, можно будет налечь. Пальцы съехали по металлу, и я снова остался перед закрытой дверью.

Из угла взвизгнули. Я обернулся к семилетней девочке: футболка прилипла к ней от пота, а она всё переводила взгляд с меня на дверь. Я ведь разбежался так уверенно. Наверное, она уже ждала, что сейчас выйдем. Нижняя губа дрожала. Я видел в этом презрение к бессилию, хотя она, наверное, просто ждала, что я наконец открою. Этот взгляд резанул сильнее удара о дверь.

— Тихо! — рывкнул я, обернувшись. Голос сорвался, превратившись в хриловатый лай. — Заткнитесь все! Вы хотите их привлечь?

Мальчик постарше, лет двенадцати, сидел рядом с ней, зажимая ей рот своей ладонью.

— Маша, тихо, — шептал он ей в волосы. — Тихо...

Он смотрел на меня и продолжал держать ладонь у Машиного рта. Я только что рывкнул на них, а он сделал то, что я велел. Теперь ждал, что сделаю я. Пришлось отвернуться от него к балке: стоять и смотреть в ответ было стыдно.

Девочка перестала кричать и закашлялась так, что я ждал каждого следующего вдоха: только бы набрала воздух. Дым густел. Над нами огонь лизал деревянные перекрытия, вниз сыпался дождь раскалённых игл. Я смотрел, куда падают искры, — там стоять нельзя, а отойти детям почти некуда. Втянул воздух и сам закашлялся: в лёгких жгло, вдохнуть поглубже не получалось. Я понимал, что если сейчас не найду способ выбраться, ещё десять минут такого кашля — и дети уже не смогут идти. А наверху нас могут и не искать. Клан «Северный Меридиан» списывает расходные материалы быстро.

Я схватился за ближайшую балку, пытаюсь толкнуть ее: она лежала наискось у технической двери, и за ней чернела щель между кирпичами. Если отодвинуть брус, можно попробовать протиснуться там. Руки скользили. Я навалился сильнее, но руки задрожали, и к горлу подступила тошнота. На разгрузке такой край ящика забирал Хмурый. Сейчас я давил один и всё ещё надеялся, что брус хотя бы качнётся. Дурак. Со второго курса вылетел, в рейд пошёл — а поднять то, что перекрыло выход, сил не хватало.

Балка не сдвинулась ни на миллиметр.

Из темноты дальнего конца подвала донесся звук. Сначала я прислушался, надеясь разобрать шаги наших. Но там скрежетало, тянуло по камню, будто кто-то очень большой и голодный проверял прочность стены. Я перестал давить на брус и прислушался. За скрежетом трудно было разобрать что-нибудь ещё: собственное сердце стучало в ушах. Только бы этот звук шёл мимо нашего подвала.

Они пришли раньше срока.

Стена слева от входа вздрогнула. Я увидел, как посыпались кирпичи, и ещё надеялся, что осыплется только край. Грохнуло так, что я пригнулся. Половина стены рухнула внутрь; сквозь пыль теперь был виден соседний отсек склада. Из пролома потянуло сквозняком. На миг я жадно вдохнул — хоть немного воздуха вместо дыма, — и почувствовал запах старой крови и озона. Я больше не пытался вдохнуть этот воздух поглубже. Кто-то там уже истекал кровью, а мы сидели прямо за стеной, которую только что снесли.

Дети с визгом бросились в разные стороны. Только что я мог пересчитать всех пятерых, а теперь терял их за пылью. Надо было вернуть их в угол. Всех вместе. Я попробовал выбрать, за кем рвануть первым, и увидел раненых: они тоже пытались отползти, но так и лежали возле стены. Кого хватать? Я смотрел то на них, то на пролом и всё медлил, хотя времени выбрать уже не оставалось.

Из дыры высунулась лапа. Шерсть на ней торчала жёстко, будто металлическая. Я смотрел на когти размером с ку-

хонные ножи: они входили в пол, оставляли борозды. Мне хватило этих борозд: под такими когтями я бы и руками закрыться не успел. Лапа уже торчала внутри, а морда оставалась за проломом — я ждал её, не в силах отвести взгляд. Тварь выжидала. Я замер — лапа тоже остановилась. Девочка кашлянула, и когти продвинулись к ней. Я следил за когтями и боялся вдохнуть громче: на детский кашель лапа двинулась сразу, а пока мы молчали, тварь выжидала.

Я отшатнулся назад, в самую густую тень угла, где среди груды строительного мусора лежал человек. Или то, что от него осталось.

Это был Хмурый. Илья, наш D-ранг, ветеран рейдов, которого все считали циничным стариком, хотя ему едва исполнилось тридцать. Он лежал лицом вниз, сквозь разорванную куртку на спине торчали обломки ребер. Он не двигался. Не дышал.

Но когда я споткнулся о его тело, пытаясь отползти дальше от дыры, моя голова сильно ударилась о стальную пряжку на его плече. В висок ударило болью; я попытался поднять голову, но почувствовал, как по лбу течёт кровь. Она капала прямо на шею Хмурого. Я смотрел на эти капли и пытался отвести лицо от пряжки: ещё одного удара я сейчас не выдержу.

Я ждал нового крика со стороны детей и вдруг понял, что перестал слышать подвал.

Звуки исчезли. Крики детей, рев монстра, треск огня —

всё стало глухим, как будто я нырнул под воду. Я потрянул головой. Перед лицом осыпался кирпич, упал без звука. Девочка открывала рот, а я слышал только своё дыхание, слишком близкое, внутри черепа. Потом пропало и оно.

А потом пришел голос.

Голос заговорил у самого уха, без того тонкого звона, который я ещё помнил от хлопнувшего люка. Я дёрнулся туда — никого. С другой стороны дети, в стене тварь, а здесь только Хмурый лицом в пол. Голос хрипел, словно говорить было больно, но спорить с ним я всё равно не решался. На разгрузке Илья так же забирал у меня неподъёмный край ящика: пока я объяснял, что справлюсь, он уже поднимал. Сейчас тоже ждал, чтобы я перестал упираться.

«Не трогай детей.»

Я замер с раскрытым ртом. Хотел спросить Илью, откуда он говорит, но перед глазами поплыли красные пятна. Стоило попробовать поднять голову, и боль в виске становилась такой, что я снова смотрел в пол.

«Встань. Тело должно двигаться. Груз должен быть доставлен.»

Я узнал Хмурого и зачем-то посмотрел на его затылок, словно он мог повернуться ко мне. Он лежал неподвижно. А голос продолжал требовать, чтобы я встал, с той же хрипотцой, с которой Илья командовал на разгрузке. Я слышал его внутри головы и никак не мог совместить это с телом под своей рукой.

Я попытался оттолкнуть труп. Надо было убрать руку, отползти хотя бы на полшага. Может, тогда он замолчит и я смогу услышать, где дети.

«Куда бежишь?» — спросил голос. Я дёрнул плечом, как бывало при жизни Ильи: сейчас начнёт отчитывать. Но рука осталась на нём. Бежать и правда было некуда, а за моей спиной оставались дети.

Моя рука, которую я использовал для отталкивания, не послушалась. Она дернулась назад, сама собой, и схватила Хмурого за воротник куртки. Пальцы сжались так сильно, что ногтевые пластины хрустнули, впились в ткань и в плоть под ней. Руку кололо, словно через неё пустили ток. Я хотел отдёрнуть её от воротника, но судорога только сильнее прижимала пальцы к ткани.

«Синхронизация. Принять долг.»

Я хотел кричать. Хотел сказать, что я не хочу этого, что я обычный парень, что мне нужно домой, к матери, что я боюсь. Но воздух вышел из легких, и вместо крика вырвался сдавленный хрип.

Под моей рукой тело Хмурого холодело. Я посмотрел на его шею: кожа становилась восковой, а я всё ещё ждал хоть какого-нибудь движения. Голос говорил, значит, Илья должен был шевельнуться. Хоть чуть-чуть. Но моя рука, сжимающая ворот его куртки, начала гореть. Сначала тепло, потом жар, потом такая боль, что я попытался сорвать пальцы с ткани, лишь бы прекратить её. Кожа на предплечье натя-

нулась, мышцы напряглись до предела, готовые лопнуть.

Монстр зарычал, и я снова посмотрел на стену. Он протискивался в пролом; под его телом ломались уцелевшие кирпичи. Мальчик вскрикнул. Я услышал его, увидел тварь между ним и стеной — и опять дёрнул застрявшую руку. Нужно было встать, сейчас же.

«Груз!» — взревел голос в голове. Я вздрогнул и потянулся встать раньше, чем успел сообразить, что за груз он требует. Илья рывкал — и тело слушалось.

Меня тянуло встать с такой силой, что я испугался: пока буду упираться, собственная рука меня и порвёт. Тварь ещё лезла через стену, а эта боль уже была во мне. Я пытался отступить, а правые пальцы продолжали держать ворот. Сказал себе разжать — не разжались. В голове Хмурый требовал подняться. Я ещё хотел от него отползти, а колени уже подбирались под меня. От этого стало страшнее: значит, спорить могу, а распоряжаться собой — уже нет?

Я поднялся и чуть не сел обратно. Левая стопа сама ушла наружу, колени согнулись. Я упёрся носком в шов и вдруг понял, что стою. Я никогда так не вставал. Хотелось выпрямить колени, но я чувствовал: тогда снова потеряю опору. Оставил ноги как есть. Я держался ровнее и всё ждал, когда ноги опять подломятся. Хмурый в голове требовал встать, а я уже стоял — сам не зная, как получилось. Боль в плече осталась. Я осторожно перенёс вес на ноги, ожидая снова рухнуть, — колени выдержали.

Монстр выпрыгнул из дыры. Я никак не мог назвать то, что летело к нам: вроде собака, а длинные лапы раскинуты по-паучьи. В раскрытой морде теснились мелкие иглистые зубы. От них я и хотел отвести глаза, но тогда потерял бы сам прыжок. Он метнулся прямо к группе детей, целясь в самого младшего.

Я чуть не отшатнулся: слишком близко, прямо на нас летит. Хмурый ревел: «Держись!» — а я уже искал, куда шагнуть, чтобы оказаться подальше от клыков.

Малыш ещё не успел отшатнуться, а я уже видел, куда приземлится тварь. До двери не добежать, дети за мной не успеют. Я подался вперёд: если успею перехватить её, они останутся за моей спиной. Хмурый требовал держать груз, а я смотрел на малыша. Если сейчас отойду, тварь приземлится прямо на него. Пусть Илья держит моей рукой — лишь бы эта рука оказалась между ними.

Я отпустил ворот Хмурого, шагнул вперед и выставил правую руку навстречу прыжку. Потянулся перехватить лапу раньше, чем когти доберутся до малыша. Моя ладонь раскрылась, пальцы растопырились, и в них словно влилась расплавленная сталь. Я едва не сжал кулак по привычке, но оставил ладонь раскрытой: удар отобьёт тварь на миг, а мне нужно было схватить её и удержать возле себя.

«Железная хватка».

Когти ударили в руку. Я ждал, что они пройдут насквозь, даже стиснул зубы заранее, но услышал скрежет. Когти сло-

мались. Лапа дёрнулась в моей ладони, а пальцы продолжали держать её. Я смотрел на свою кисть и боялся ослабить хватку: как только отпущу, она снова станет обычной, и тварь разорвёт нас.

От удара дёрнуло плечо, но я заметил это уже после того, как удержал лапу. Всё внимание было на твари. Она ещё летела на меня, и я успевал разглядеть движения, которые раньше слились бы в один прыжок. Я видел, как напрягаются мышцы на шее монстра, как расходятся челюсти. Лапа тянула мою руку вслед за прыжком. Я раньше уступил бы этому весу, отступил, но сейчас чувствовал, как можно потянуть её ещё чуть-чуть и заставить морду пойти вниз. Я следил за основанием его черепа: стоило потянуть лапы вниз, и оно оказалось бы под ударом.

Дети замолчали. Мальчик, который зажимал девочке рот, убрал ладонь и вцепился в её рукав. Они смотрели на мою руку, державшую лапу монстра. Я хотел, чтобы они увидели: тварь до них не доберётся. Но малышка попятилась от меня и прижалась к стене. Пришлось отвести чудовище в сторону, чтобы оно не дотянулось до неё второй лапой.

Я отодвинул труп Хмурого каблуком, наконец обретя контроль над левой рукой, которая теперь тоже начала меняться, покрываясь синеватыми венами. Мертвое тело сдвинулось по полу, освобождая пространство для боя. Правая кисть всё ещё держала лапу твари. Я не мог отпустить её даже для того, чтобы упереться в стену.

Монстр рванулся назад. Я подался за ним, чуть не выпустив лапу: он оказался тяжелее, чем я успел почувствовать в первый миг. Я удержал первую лапу, переставил ногу через плечо Хмурого. Тварь снова бросилась, но теперь я был готов. Я перехватил ее вторую лапу. На этот раз я не просто держал. Я сжал.

Пальцы впились в мясистую подушку лапы, разрывая сухожилия. Раздался пронзительный визг животного. Я почувствовал вкус крови во рту — свою собственную, от прикушенной щеки. Боль в руках нарастала, но сквозь неё я чувствовал, как поддается лапа. От этого хотелось сжать ещё сильнее: наконец-то под моими пальцами что-то двигалось, ломалось, слушалось меня. Я продолжал давить, хотя мышцы уже сводило.

Её бросок ещё продолжался, тварь сама подавалась ко мне. Я дёрнул лапу на себя, продолжая её движение, — задние ноги съехали по гладкому полу. Получилось. Только бы удержать. Я тянул дальше, пока морда не пошла вниз, к моим ногам, и держал, хотя хотелось отдёрнуться от зубов.

«Ударь», — сказал голос.

Я поднял свободную ногу и резко опустил каблук на основание черепа монстра.

Под каблуком сухо хрустнуло, как ломается ветка. Я почувствовал этот хруст ногой и продолжал давить: тело ещё дёргалось. Раз, другой — затихло. Из-под головы потекла чёрная кровь, впиталась в пыль. Я смотрел на неё, ожидая

нового рывка, и только после этого понял, что сломал твари позвоночник.

Я ещё давил каблуком. Из-под него перестало дёргаться, только растекалась чёрная кровь. За спиной кашлянул ребёнок. Я убрал ногу и повернулся на этот кашель так быстро, что чуть не упал: сейчас любой живой звук был лучше того, что я держал на полу.

Я стоял над трупом и пытался отдышаться, но грудь всё ещё вздымалась, как во время драки. Правых пальцев я не чувствовал. Посмотрел на них: они на месте, всё ещё согнуты. На почерневших кистях проступили фиолетовые сетки лопнувших капилляров. Левая горела, и я никак не мог решить, что хуже: эта боль или то, что с правой почти ничего не чувствую. Ноготь на левом большом пальце оторвался, оголив розовое мясо. На правом почернел и отошёл от края, но ещё держался.

Дети смотрели на меня. Мальчик двенадцати лет сделал шаг назад, прикрывая девочку собой. Я хотел сказать ему, что всё, эта тварь мертва. Он смотрел на мои руки и пытался вместе с девочкой. Скажи я сейчас хоть слово тем рыком, они забьются в угол ещё дальше.

Глава 2

Я попытался разжать пальцы. Пусто ведь. Твари под ними больше нет, а кулак держит, хоть ты тресни. Другой рукой я потянул согнутые пальцы, надеясь расправить хотя бы один: остальные потом, сначала этот. Подались, согнулись обратно. Да отпусти ты уже, чего держать-то? Мёртвая тварь лежала рядом, её я отпустил. Посмотрел на Хмурого. Хватка его — пусть объяснит, что мне теперь с ней делать.

«Груз не доставлен», — шептал голос. Он звучал слабее, но настойчивее.

У Хмурого одна рука была вытянута к стене; сам он лежал боком. Я рассматривал глубокие царапины под его пальцами и всё примерял к ним слово «груз». Он же зачем-то скрёб бетон. Выбраться пытался? Найти что-то? Вот бы голос вместо одного и того же требования сказал, что Илья там искал. Я хотя бы знал бы, куда лезть.

Я подошел к нему, шаркая ногами: колени болели, высоко поднимать стопы не хотелось. Присел на корточки, левой схватил куртку — от правой пока никакого толку — и потянул Илью ближе. Нужно было осмотреть его. Ключ бы найти, карту, хоть что-нибудь, с чем можно вытащить детей. Он ведь зачем-то забрался в этот угол. До выхода не дошёл, а сюда дошёл.

Я коснулся его лица. Кровь с моего виска капнула на него,

смешалась с его кровью — и голову снова пронзило болью. Я хотел отнять руку, но в глазах уже потемнело.

Меня понесло за Хмурым: он бежал с тяжёлым ящиком, за спиной гнались тени. Ручка резала пальцы через перчатку. Я сжал свою пустую ладонь, а всё равно чувствовал этот узкий край, будто ящик тащил сам. Илья спрятался в подвале и услышал детский плач. Я ждал, что он побежит дальше. Вместо этого он оставил ящик за грудой досок, сунул маленький предмет во внутренний карман и вернулся к детям. Зачем ты остался, Илья? Я уже знал, где он умрёт; всё ждал, что сейчас он повернёт за ящиком и успеет уйти. Меня выкинуло из воспоминания раньше. Под рукой опять лежал Илья. Ящик он так и не вынес.

Я вынырнул из этого бегом, хотя сидел на полу. Пустая ладонь сжалась. Ящик мне не поднять вместе с детьми. А карман — проверить. Только сначала заставить ноги держать.

Я открыл глаза и сперва нашёл детей, потом разглядел сквозь дым тела у стены. Огонь всё ещё горел. У меня на ладони осталось ощущение ручки ящика; я сжал пустые пальцы, проверяя, уйдёт ли. Хмурый тянул к своему карману, потом к детям, а я всё сидел возле него. Сначала встать. Про груз будем разбираться снаружи — добраться бы туда.

Я попытался встать, оперевшись о труп Хмурого. Колени подогнулись. Я хотел удержаться, но уже падал на четвереньки; пришлось упереться ладонями в пол, чтобы хоть здесь остановиться.

Я прижал к полу ладони, собирался подтянуть колено — и почувствовал, что правая держит. Пятка ещё скользила, а кисть уже не шла по бетону вместе с ней.

Я перенёс вес на правую и замер: пальцы вошли в старый шов, *продавили* бетонную крошку. Я держал себя на этой руке. Получается, мог ещё и поднять?

С тихим скрежетом под подушечками пальцев раскрылся цемент. Уцелевший правый ноготь заскреб по краю, сорванный левый отозвался такой болью, что я едва не отдернул руку. Каменная крошка просыпалась в щель. Но пальцы держали. Я нашёл опору там, где раньше ладонь просто скользнула бы.

«Железная хватка активирована. Уровень 1. Стабилизация опоры.»

Один. Первый уровень. Я повторил про себя, ещё раз вслушался: вдруг за этими словами будет что-нибудь о том, как управлять хваткой. Всё расслышал, каждое слово, а пальцы так и торчали в бетоне. Ладно, это потом. Сейчас они держат — сейчас и подниматься. Попробовал потянуть себя вверх.

Я посмотрел на руки, вцепившиеся в шов на два сантиметра. Потянул себя вверх — плечо прострелило, но кисть не отпустила. Ещё раз, выше. Ноги приняли вес. Я хотел смеяться и не мог набрать воздуха. Минуту назад балка не сдвинулась подо мной; теперь бетон крошился у пальцев. Это я стоял. Эти пальцы я мог выдернуть из бетона, а мог ещё дер-

жать. Сила досталась от мёртвого Ильи, вместе с болью и его криками, — а поднялся на ней я.

Я выдернул пальцы из шва. Медленно: пока тянул их на себя, мне казалось, они зацепятся и останутся там. Каменные осколки посыпались на пол. Я вытер правую ладонь о штанину, пытаюсь стереть серое; кровь с пылью размазались, а кожа осталась плотной, как кора дерева. Я трогал её и ждал, когда она станет моей обычной кожей. Левая горела, разодранная. От правой ждал облегчения — не дождался.

Дети замерли. Даже тот мальчик, который прикрывал девочку, перестал дышать.

Я встал. Ноги держали твердо. Спина выпрямилась без усилия. Я посмотрел на дыру в стене, откуда приходили другие звуки. Их было много. Целая стая.

Хмурый всё ещё требовал доставить груз. Я посмотрел на детей: до ящика сейчас не добраться, а их можно хотя бы отвести от пролома. За котлом они получают укрытие, пока я буду искать выход.

Я повернулся к детям.

— Вставайте, — я подставил левое предплечье старшему, чтобы он поднялся, не взяв меня за содранную ладонь. Голос был мой, но интонации чужие. Я услышал свой рык и попробовал говорить тише, чтобы старший понял слова, а не только испугался. — Беремся за руки. Никуда не отпускайте друг друга.

Один из малышей заплакал.

— Тихо, — бросил я и придержал старшего за рукав: он уже обернулся к плачу, готовый опять зажать малышу рот. Ребёнок подавил всхлип, глядя на мою чёрную кисть. Добился тишины — и самому стало тошно. Из подвала его нужно вывести, а не заставить бояться меня больше, чем того, что лезет через стену.

Я присел перед ним, отпустил рукав старшего и указал на девочку, державшую малого на коленях. Она протянула ему руку. Я подождал, пока он возьмётся.

Я взял ближайшего ребёнка за руку. Тёплые пальцы легли в мою холодную ладонь. Хотелось сжать их покрепче, чтобы точно не потерять, но я остановился: этой кистью я только что ломал лапу. Пусть держится сам, а я буду рядом.

Я повёл их от угла к котлу. Приходилось шагать медленно, дожидаясь, пока сцепившиеся дети подтянутся за мной. Всего несколько шагов — и можно будет спрятать детей за котлом. Хмурый остался на полу. Я ещё раз оглянулся на него: оставить Илью вот так и идти дальше было тошно. Но дети уже тянулись за мной, а руки снова наливались тяжестью. Сейчас они понадобятся живым.

За спиной ревел огонь. Из пролома доносились звуки стаи, и я вёл детей к котлу, стараясь одновременно смотреть, кто идёт за мной и что вылезает впереди.

Я всё ещё боялся звуков из пролома, но теперь смотрел туда и прикидывал, какой лапой тварь полезет первой. Если успею схватить её, дети получат ещё несколько шагов. За них

я мог держаться. Хмурый дал мне силу, а до котла их довёл я.

У котла я пересчитал сцепленные руки. Пятеро. Старший пропустил девочку перед собой, встал рядом со мной — и увидел, что мои пальцы опять сводит. Я хотел разжать их, показать ему: всё нормально. Не смог.

Синхронизация кровью

Я дёрнул правую ладонь. По суставам резануло, пальцы согнулись ещё сильнее. Расправляю — опять сводит. Будто ручка ящика всё ещё здесь, а Хмурый боится её потерять. Мне детям помочь надо, за котёл убрать, а я стою и смотрю, как собственные пальцы загибаются. Подставляю эту руку ребёнку, и что? Я только что не мог отпустить бетон. Уцелевший ноготь был чёрным от крови под ним. Болит, проклятый, и опять заставляет меня смотреть вниз, когда смотреть нужно в пролом.

— Отпусти! — прохрипел я, пытаюсь разжать кулак другой рукой.

Я тянул пальцы и чувствовал под кожей каменную твёрдость. Сколько ни дави — под ней всё стянуто, двигаться не даёт. В голове гудело, как в старом трансформаторе во время грозы; за гулом я с трудом разбирал шум подвала. А Хмурого разбирал отлично: «Держи! Не отпускай груз!» Илья лежал в углу, его было видно сквозь дым. До него несколько

шагов, а голос орал так, будто он схватил меня за руку и за-
прещал отпустить.

Какой груз? Где груз?!

Я ударил себя по запястью коленом, пытаюсь выбить из те-
ла эту чужую волю. Боль вспыхнула с новой силой, но пальцы
не разжались. Наоборот, они стали тяжелее, плотнее. Я про-
вёл другой ладонью по тыльной стороне кисти. Шершавая,
как наждак. Это ведь моя рука — почему её даже трогать
теперь противно? Под кожей ходила судорога. Я давил на за-
пястье, пытался поймать её между ладонью и коленом; она
проходила дальше, к пальцам, и опять сжимала их. Я шипел
на собственную руку, как на больной зуб. Ругал её, а сводило
весь кулак.

За моей спиной девочка попыталась усадить младшего
снова. Он оттолкнул её ладонь. Самый маленький, мальчиш-
ка лет семи, оттолкнулся пятками от пола, будто собирался
вылезти из её рук куда угодно. Завыл так, что у меня зало-
жило уши. Я пытался расслышать рычание за дымом, но за
его визгом уже ничего не разбирал.

— Заткнись! — рявкнул я и сам услышал, как это прозвучало.
Хрип, низкий голос — я бы так и после ночи с дешё-
вым табаком не сказал. А мальчишке всё равно, чей это рык:
из моего рта вылетел.

Мальчик притих, только всхлипывал. Я наконец расслы-
шал подвал — и лучше бы его не слышал. Из темноты, от-
куда несло серой и гарью, вылетели две искры. За ними ры-

чание. Что-то шло низко над полом, в дыму; я всматривался, стараясь разглядеть, сколько до него осталось. Кости, переплетённые мышцы, тускло-жёлтые суставы. На них я и заметил, как тварь подбирает лапы. Сухие связки натянулись. Сейчас прыгнет.

Скелетный пес. Или то, что осталось от собаки после встречи с Разломом.

Он прыгнул — мимо меня. Я ещё ждал удара, а уже видел, куда летит пасть: к плачущему мальчику. Тот стоял ближе всех к дыре в стене. Оттуда до него тварь добиралась одним прыжком.

Инстинкт самосохранения орал: «Уходи!». Я уже начал отступать — и увидел, что освобождаю псу дорогу к ребёнку. Правая рука, та самая, ставшая каменной, взметнулась вверх. Я сунул её между пастью и мальчиком. Пусть возьмёт меня. Хмурый подсказал движение, но туда я шагнул сам.

Пес вцепился челюстями в мое предплечье. Зубы должны были хрустнуть кость. Вместо этого раздался звонкий щелчок ломающихся клыков. Хватка стянула мышцы под кожей, и челюсти застряли на напряжённом предплечье. Ощущение было отвратительным: влажное тепло пасти, трение шерсти о каменную поверхность руки, давление веса зверя, повалившего меня на спину.

Я лежал на полу, придавленный мерзким монстром. В нос бил запах гнили и мокрой земли. Мозг требовал бежать, ноги отказывались слушаться. Позвоночник ныл от удара об

бетон.

«Не трогай детей», — снова прогремел голос в голове. Хмурый. Илья. Он видел этот момент своими глазами, пять минут назад, когда его рвали на части. Теперь он видел его через мои глаза.

Я посмотрел на морду пса. Она была совсем близко. Красные точки глаз, пасть — больше я ничего перед собой не различал. Слюна капала мне на лицо. Убрать бы голову, отвернуться, лишь бы эти зубы оказались подальше. Я уже собирался дёрнуться — и разозлился: отпущу, тварь опять полезет к детям. Злость была Хмурого, я узнавал, как она давила на страх, заставляла лежать здесь и держать. Мне хотелось отвернуться; Илья заставлял смотреть в морду, пока я ищу, за что её схватить.

Я повернул правую кисть внутри пасти, вывел пальцы к верхней челюсти. Оттолкну — он опять прыгнет, а ребёнок за моей головой. Я нащупал пальцами край кости. За него и схватить.

Пальцы сомкнулись на верхней челюсти пса. Шерсть под пальцами стала жесткой, как проволока. Я почувствовал, как под моим хватом затрещала кость скулы. Зверь взвизгнул, пытаясь вырваться, но я держал. Пальцы свело, а я всё давил, чувствуя под ними каждый рывок. Пусть вырывается. Ещё раз до мальчика ему добраться не дам.

«Хватай!» — крикнуло эхо.

Пес бил лапами, царапал вторую, обычную, мою руку.

Кровь брызнула на щеку, потекла к губам. Я смотрел туда, где большой палец упирался в скулу: стоит ему съехать — зубы снова окажутся свободны.

Мне нужно было повернуть ему голову. Вывернуть, как курице на разделке. Я подтянул большой палец к скуле, другой край челюсти удержал остальными. Пёс мотнул мордой — и сам надавил костью на мой хват.

Перед глазами вспыхнуло пламя, и на миг я потерял морду пса. Увидел другой склад, горящие стеллажи, лица людей. Они кричали, звали на помощь, смотрели прямо на меня — или на того, кто стоял тогда на моём месте. В огне никого, кто мог бы их вытащить, я так и не увидел.

Я зажмурился от этого огня, хотя он был не перед лицом. Под веками стояли горящие стеллажи. Открыл глаза — сквозь морду пса всё ещё видел их. Чужая память лезла в бой именно сейчас, когда моя рука уже держала челюсть и нельзя было смотреть куда-то ещё.

«Работай!» — приказал голос. Хмурый рывкнул так, что я стиснул пальцы раньше, чем разобрал слово. Ему я сейчас был нужен с открытыми глазами.

Я заставил себя смотреть на пальцы. Пламя исчезло. Осталась только грязь, кровь и челюсть врага в моей руке.

Я уперся пяткой в бетон, подтянул колено. Пёс навалился на левый бок, и теперь его вес помогал мне повернуть корпус. Одной рукой я не вытащу его с себя; зато ладонь уже держала челюсть, а пятка не скользила. Я потянул, развора-

чиваясь всем телом. Он дёрнул лапой, попробовал упереться в пол, но голову повернуть вслед за корпусом уже не мог.

Я услышал сухой треск, будто ломал ветки, и под рукой голова пса дёрнулась вбок. Так она поворачиваться не могла. Получилось — а поверить я ещё не успел: тело тряслось, лапы скребли бетон, пыль летела в лицо. Я держал челюсть и ждал, когда он перестанет вырываться.

Я держал и после хруста. Лапа ещё скребла рядом с моим ухом; я вжался затылком в бетон, пережидая последние рывки. Только бы сейчас не отпустить слишком рано.

Когда тело стало неподвижным, я разжал пальцы. Рука болела адски. По руке жгло, словно её всё ещё тянули в разные стороны. Я уже отпустил пса, а боль оставалась; хотелось распрямить кисть, вернуть её в обычное положение, в котором раньше ничего не болело. Из носа потекла теплая жидкость. Я смахнул её тыльной стороной ладони. Красные пятна легли на каменную кожу.

Вокруг стояла тишина. Даже дети перестали плакать. Я перевёл взгляд с мёртвой собаки на них — и мальчик отшатнулся. Смотрел на мои пальцы, которыми я только что свернул чудовищу шею. Я разжал ладонь, хотел показать, что к нему не полезу, но он прижался к старшей ещё теснее.

Я попытался встать. Ноги подкосились. Сердце колотилось где-то в горле; мне казалось, сейчас вообще перестанет биться. Я ловил вдох, а грудь не поднималась до конца. Пришлось подползти к стене на локте и ждать, пока смогу

вдохнуть ещё раз. Хмурый требовал движения. Я дал ему это движение — на локте, больше ничего пока не выходило.

Голова закружилась. Мир поплыл. Я увидел двойные тени от пляшущего огня. Они дергались в ритме биений сердца — или это у меня перед глазами всё дёргалось. Одна тень тянулась к труп у пса, другая — к детям.

«Ты живой?» — спросила тень.

Или это спросил я?

Перед глазами темнело, и я искал в углу лицо раненого Дранга: хоть бы он смотрел сюда, хоть бы услышал меня. Он был всё бледнее. Я ещё надеялся попросить его подняться, а по его лицу уже видел, как трудно это будет.

— Подними нас, — сказал я раненому. Попробовал показать на детей, но локоть только протащился по бетону; голос сорвался в шёпот. Он смотрел в мою сторону, и я ждал хотя бы движения плеча. Мне хватило бы, чтобы он встал между ними и проломом, пока я заставляю себя подняться.

Руки перестали слушаться. Я смотрел на каменную кожу: она трескалась, в трещинах проступало розовое мясо. Попытался шевельнуть пальцем и уже не разобрал, получилось ли. Боль накрыла так, что лицо раненого исчезло из виду; я ещё хотел договорить просьбу, но не смог.

Я рухнул на холодный бетон. Сознание отключилось ровно на одну секунду. Или на минуту. Я пропустил, как дети оказались рядом, и даже по этому не мог понять, сколько пролежал.

Когда я открыл глаза, первым, что я почувствовал, был вкус крови во рту. Вторым — ощущение тяжести. Кто-то тащил меня за воротник куртки.

— Лёша! — старшая девочка тянула мой ворот обеими руками, пятками упираясь в пол. Та самая, которая держала младшего. — Он не двигается!

Мальчишка подхватил меня под затылок. Я оттолкнулся локтем, повернул голову и закашлялся ему на рукав. Он вздрогнул, но не отпустил. Встать сам я пока не мог. А они уже тянули.

Я попытался пошевелить пальцами. Правая рука ответила тупой, ноющей болью. Под кожей опять прощупывались мои кости, пальцы сгибались, как раньше. Я попробовал разжать их до конца — и поймал себя на том, что берегу тот хват. Пёс уже лежал мёртвый, а ладонь всё искала, за что ухватиться.

Из глубины подвала, откуда пришел пес, донесся новый звук. Я прислушался: шаги, тяжёлые, размеренные, сразу несколько человек. Сквозь топот пробился голос, от которого меня затошнило сильнее, чем от крови во рту.

Ефим.

Командир вернулся проверить, жив ли его расходный материал. По крайней мере, я не представлял, за чем ещё он полез бы обратно. Дети перестали тащить меня и повернулись к шагам. Я упёрся здоровым локтем, поднялся на колени. Ефим не должен был увидеть меня лежащим.

Глава 3

Зеркало Ефима

Что-то металлическое лязгнуло о бетон. Я вжался спиной в мокрую стену, не успев понять, откуда звук. У самого уха словно выстрелили. Гул в голове остался; я ждал, что сейчас лязгнет снова, и держал челюсти стиснутыми. Высоковольтный провод я будто проглотил — теперь только бы не шевельнуться, не тряхнуть его внутри. Хмурого слышал с трудом, сквозь этот гул: *«Не дыши. Он чувствует тепло»*.

Кто-то выходил из-за котла, от лестницы. Палка в руке, прямая спина. Я узнал Ефима раньше, чем разглядел лицо. Вернулся. Мне бы обрадоваться: командир спустился, сейчас выведет нас. Я даже посмотрел на люк. Крышка оставалась на месте. А этот шёл так же спокойно, как когда заперал её.

Фонарь у него задержался на обугленных досках, на крови. Пока он осматривал пол, я успел проверить, где дети. Луч дошёл до них — зажмурились. Я собирался заслонить их, но перед Ефимом и так стоял я. Он видел нас всех. Чего высматриваешь, сука? Лестница у тебя за спиной. Отойди от неё.

Дети сбились в угол, прижавшись друг к другу. Маленькая Маша, та самая, что плакала громче всех, теперь молчала, закрыв рот ладошкой. Я посмотрел на её ладошку у рта. На пса она кричала, а теперь даже не всхлипывала. Всё смотрела на Ефима. При нём я тоже пока не мог выговорить ни слова.

Ефим остановился в трех метрах. Свет снизу делал его лицо почти кукольным: я смотрел на эту растянутую улыбку и ждал, когда он наконец перестанет улыбаться. Закрыв люк, вернулся — и ещё доволен.

— Ого, мусорный класс сработал? — Ефим носком перевернул лапу мёртвой твари. От его весёлого голоса меня передёрнуло. Так на рынке хвалят редкую находку, а он носком ворошил тварь, которая только что пыталась сожрать нас. — Или ты труп жрешь, Кубраков? Пахнет... интересно пахнет.

Он нагнулся, посветил на сломанные когти. Я заслонил старшему мальчику дорогу — тот уже потянулся к лестнице. Ефим заметил это и выпрямился между нами и люком.

Я не ответил. Губы пересохли, язык прилип к нёбу. Мышцы дрожали так, что я боялся разогнуть колени: ещё шаг, и они подломятся при нём. А за мной дети, и он уже заметил, куда мальчишка хотел уйти. Правая рука, та, что приняла эхо Хмурого, пульсировала жаром. Пальцы сами собой сгибались в крюки, впиваясь в ткань собственных штанов.

— Молчишь? — Ефим щелкнул языком. — Ну да, тебе сейчас трудно. Твое тело пытается привыкнуть к чужой воле. Это больно, да? Слышал, Наследники часто кончают ду-

рю. Голова трескается, когда мертвецы начинают спорить за руль.

Он приблизился ещё на шаг. В правой руке был уже короткий клинок; вдоль него светились голубые руны. Мне нужно было смотреть на остриё, а я засматривался на узоры и злился на себя. Он включил навык. Сейчас полоснёт, а я всё разбираю рисунок.

«Танец лезвий, — подсказал голос в голове. — Старая работа одного из наших. Быстрый, но хрупкий. Ломается на второй секунде».

На второй секунде. Я повторил это про себя. Хмурый знал, что за работа; если он прав, нужно продержаться две секунды. Я отступил на полстопы. Буду ловить запястье. За светящейся полосой мне всё равно не угнаться.

Ефим ещё смотрел мне в лицо, когда клинок уже пошёл ко мне.

У щеки свистнуло, я втянул шею. Голубая полоска уже уходила в сторону, а я только нашёл взглядом руку Ефима. Запястье он уже убрал, а я всё пытался его поймать взглядом. Так он меня сейчас и разделает. Я готов был упасть, только бы клинок прошёл выше. Вместо этого повернулся боком, подхватив привычку Хмурого, и выставил правое предплечье. Больше подставить было нечего.

Лезвие заскрежетало по руке. Я сжал пальцы так, что заболели суставы, — под кожей сразу затвердело. Удар прижал предплечье к груди. Я ещё ждал, что сейчас прорежет, а кли-

нок уже съезжал в сторону. Вся кромка давила на уплотнённую мышцу; потом давление исчезло. Я успел разглядеть белый след. Кожа держала. Вот так и буду держать, раз ничего другого не успеваю.

— Каменная кожа? — Ефим удивленно вскинул брови. — Ты научился этому за час? Или... это не твои руки работают?

Ефим отвёл клинок, повёл влево. Я подался следом и понял, что купился, уже когда остриё задело бедро. По ноге потекло тёплое, через мгновение зашипало. Кровь дошла до грязного пола, оставила ржавое пятно. Я всё ещё хотел подставить руку на тот удар, который уже пропустил.

— Скорость выше, — пробормотал Ефим, крутя запястье. — Тебе не угнаться, щенок. У тебя реакция трупа, а у меня опыт живого.

Ефим рубанул сверху. Я вернул руку к лицу; он рубанул ещё раз, и ещё. Три удара подряд. На каждый пришлось подставить то же предплечье — замахнуться в ответ я уже не успевал. Потом повёл лезвие поперёк, заставил меня отшатнуться и сразу ткнул в живот, туда, где я открылся. Каждый раз, когда лезвие касалось меня, я подставлял правое предплечье или уходил корпусом; на последнем ударе лезвие чиркнуло по боку. Руку приходилось возвращать к лицу так быстро, что в суставах хрустело. Мышцы тянуло до надрыва. Я ещё не успевал выпрямиться после одного удара, а Хмурый уже заставлял подставляться под следующий. Хмурый орал внутри: *«Бей! Держи! Не отпускай!»*

Я пытался найти просвет между его замахами. Ударить бы сейчас — только руку от лица уберу, и он достанет до горла. За спиной шуршала моя куртка: дети прижимались вплотную, я слышал, как они дышат. Отступить хотелось всё сильнее. Но куда? Я отступлю, а он пройдёт к ним. Пришлось остаться между ними и Ефимом.

— Скучно, — надсмотрщик переступил через сломанный коготь, приближаясь к детям на полшага. — Ты просто мешок для побоев. Где твоя ярость? Где желание убить?

Я заметил, как он перехватывает клинок ближе к гарде, разворачивает остриё вниз. Ждал удара в лицо и оставил там руку. Ефим влез вплотную — рукоять пришлась мне под колено. Одновременно он подцепил мою стопу носком. Я попытался упереться, а она уже скользила из-под меня.

Нога подвернулась. Я ударился коленом о пол и задрал голову: Ефим прыгал на меня, клинок смотрел прямо в горло. Попробовал оттолкнуться от пола — с этого колена не успеть. Пригнуться тоже некуда. Его рука спускалась вместе с остриём; до неё ещё можно было дотянуться.

Я увидел, как поднялось его плечо. В голове вспыхнула чужая память: спина врага, холодное лезвие у шеи. Хмурый видел такой замах. Я дёрнулся ещё до того, как остриё пошло вниз.

Я подставил левую ладонь под запястье Ефима, отвёл клинок мимо горла. Правая схватила ту же руку выше кисти. Меня толкнуло назад вместе с ним. Я удержал обе ладони на

его руке.

Мы столкнулись. Его рука застряла между моими ладонями, нож прошёл мимо плеча и ткнулся в стену. Ефим упёрся грудью, попробовал оттолкнуть меня без замаха. Я дал спине коснуться бетона — только кисть его не отпустил.

Ефим замер. Его глаза расширились. Он посмотрел на мои руки, сцепленные с его запястьем, и на то, как мои пальцы впиваются в его кожу, не давая вырваться.

— Стойка Хмурого... — прошептал он. Он выговорил имя почти без воздуха и подался назад, проверяя, удастся ли выдернуть руку. Пальцы у него побелели на рукояти. — Откуда ты знаешь стойку Хмурого?! Илья был мертв десять минут назад!

— Он все еще здесь, — я сдвинул правую кисть выше на его запястье, прижал локоть к своему боку. Голос был мой, но интонация — чужая. Грубая, рычащая.

Ефим попытался вырваться, активировал ауру давления. Волна энергии ударила меня в лицо, заставляя закрыть глаза. Ноги соскользнули с места, спина ударила о стену. Но я держал его запястье. Я попытался плотнее поджать пальцы и понял, что они уже зажаты до предела. От его запястья оторвать их я сейчас и сам бы не смог.

— Пусти! — закричал Ефим. Он бил меня свободной рукой, коленом, головой. От каждого удара я захлёбывался вдохом; я сбился со счёта и только прижимал его руку к себе. Отпущу, и всё это достанется детям.

Хмурый требовал держать. В голове от его команды становилось тесно, пальцы сжимались всё сильнее; я и сам хотел одного — чтобы Ефим остался здесь, со мной. За плечом шуршала детская куртка: старший заслонял малышку. Если я сейчас отпущу, Ефим дойдёт до них раньше, чем я поднимусь. Я вдавил его запястье в стену и перехватил правые пальцы плотнее.

— Ты не можешь сломать меня, — я открыл глаза и вдавил его кисть в бетон ещё сильнее. Передо мной было лицо Ефима, перекошенное от бессильной ярости. — Ты сам себе зеркало. Ты используешь чужих мертвецов, чтобы чувствовать себя живым. Как и я.

Последние слова дались с кашлем. Ефим ударил меня лбом. Я не договорил бы ничего больше, даже если бы придумал. Удержать. Только удержать.

Ефим зарычал и рванул руку на себя. С силой В-ранга это должно было быть достаточно, чтобы вывихнуть мое плечо. Но вместо этого я почувствовал, как он упёрся в мой захват и остановился. Мои пальцы сжались еще сильнее, входя в мякоть его предплечья.

Раздался хруст. Под пальцами. Ефим дёрнулся всем телом.

— А-а-а! — Ефим завыл, выпуская клинок. Рука повисла плетью; я следил за ней, ожидая нового рывка, а кисть только качнулась вслед за выпавшим клинком.

Он осел вслед за сломанной рукой. Я поднялся на но-

гах, пока он тянул меня вниз, и ударил основанием свободной левой ладони ему в нос. Целился близко, почти от груди: замахнуться больное плечо бы не дало. Содранную кожу обожгло, плечо отозвалось белой вспышкой. Хрящ треснул, кровь брызнула фонтаном. Ефим отлетел назад, упав на четвереньки, захлебываясь собственной кровью.

Ефим приподнял голову и зашарил по полу целой рукой. Я проследил, куда он тянется: туда, где упал клинок. Он попробовал крикнуть, но захлебнулся звуком. Аура то вспыхивала, то гасла. Я ждал, удержит ли он её; опять поверить, что с ним уже всё, было бы слишком дорого.

— Кто ты такой? — спросил он шепотом. Пока спрашивал, он отползал. Смотрел снизу вверх, ждал ответа. Ещё недавно это я ждал, что он скажет из люка. Теперь он хотел знать, кто перед ним, — наверное, мусорный класс такого делать не должен.

Я подошел ближе. Мои руки дрожали. Кровь текла из носа, смешиваясь с потом. Я следил за его целой рукой. Она тянулась к полу, искала клинок. Ботинком я отодвинул лезвие ещё на ладонь; Ефим увидел, что не дотянется, и поднял глаза. Вот теперь можно говорить.

— Я — наследник, — я шагнул к нему и отвёл ботинком выпавший клинок к стене.

Он повернулся и пополз к лестнице. Я посмотрел туда вслед за ним: к тому самому выходу, который он закрыл перед нами. Нет уж, сначала ответишь. Я наступил ему на спи-

ну и перенёс вес на ботинок. Он прижался к грязному полу, взвизгнул. Дальше не пополз.

— Не надо, — простонал он. Ефим попробовал вывернуться из-под моего ботинка, но я перенёс вес на пятку. Он вцепился целой рукой в мою штанину. — Кубраков, слушай... Мы можем договориться. Северный Меридиан... они платят хорошо. Я могу дать тебе имя. Ранг. Деньги. Забудь про этих детей. Они расходник. Таковы правила.

— Правила написаны теми, кто выжил, — я нажал ботинком, пока он не перестал тянуть мою штанину. — А я учусь у тех, кто умер правильно.

Мальчишка за моей спиной перестал прятаться. Выступил на полшага, чтобы увидеть лицо командира. Ефим поднял на него глаза и тут же отвернулся. Я подхватил его за ворот и повернул обратно. Пусть смотрит, кому только что назначал цену.

Я схватил его за волосы, отрывая голову от пола. Лицо Ефима было месивом. Разбитый нос, окровавленные губы, глаза, полные ужаса. Когда он пришёл, я ещё следил за его улыбкой, ждал, какую гадость он сейчас скажет. Теперь он сжимал губы, чтобы кровь не затекала в рот, и пытался угадать, чего я хочу. Пусть угадывает. От детей его голову я всё равно отвернуть не дал.

Я протянул правую руку к его поясу. Там висел коммуникатор. Защищенный биометрией. Я ткнул в экран — он требовал отпечаток владельца. Ефим даже сейчас оставался хо-

зьяном этой штуки. Через неё он нас списал, и через неё я хотел добраться до приказа.

Я посмотрел на его искалеченную руку. Кожа на указательном пальце была цела. На экране мигнуло: «Правая кисть. Указательный».

— Прости, — я опустил коммуникатор экраном вверх у своего колена. Слово выскочило само, привычное, будто я нечаянно задел человека в очереди. А внутри меня наконец отпустило: вот он, под рукой, и больше никого за собой не прячет. Я даже вдохнул свободнее.

Я перехватил его запястье левой рукой. Правую пришлось поднести ближе: она отяжелела, и я боялся промахнуться. Нашёл указательный палец, сжал. Ефим тут же попытался выдернуть кисть — я удержал запястье.

— Что ты делаешь? — Ефим завизжал. — Нет! Стой!

От его визга хотелось отвести руку. В памяти Хмурый ломал ветви, освобождая проход; я ухватился за это движение. Только здесь была рука Ефима, и я понимал, что делаю. Он дёрнул её, попытался столкнуть коммуникатор носком. Я прижал край экрана коленом, оставил вне его досягаемости. Пальцы перенёс ниже сустава. Теперь он меня не собьёт.

Я сжал пальцы и потянул, повторяя чужой хват.

Ефим кричал всё выше, потом оборвался. Я скорее почувствовал хруст под пальцами, чем услышал его: в ушах ещё гудело. Пришлось посмотреть на руку, чтобы понять, получилось ли.

Я отпустил его руку. Палец болтался на лоскуте кожи. Я сорвал его.

Ефим лежал в луже собственной крови, трясаясь. Он даже не мог стонать. Только хрипел.

Я приложил оторванный палец к сканеру коммуникатора. Экран мигнул красным, затем зеленым. Доступ разрешен.

Быстро, пока аура Ефима окончательно не угасла и система не заблокировалась, я скачал последние данные. Достал свой телефон из внутреннего кармана рубахи, с третьей попытки включил приём по ближней связи. На коммуникаторе выбрал передачу журнала и схемы склада. Логи рейда. Список целей. Имя заказчика. Все, что могло помочь нам выбраться из этого ада.

Шкала ползла, а Ефим пытался сдвинуть локоть. Я прижал его ботинком. Дождался зелёной строки на своём телефоне, открыл первый файл. «Вторичный контингент — списать». Исполнитель: Ефим. Я поднял экран к мальчишке. Тот читал медленно, двигая губами. Потом посмотрел на лежавшего командира.

— Считайте это приказом, — повторил я. Теми же словами, которые он говорил нам через люк. Ефим зажмурился. Мальчик больше не прятал глаза.

Я повернул к нему ещё работающий коммуникатор, включил передачу.

— Приказ отменяй. Сейчас.

Ефим попробовал отвернуться. Я придержал его затылок

левой ладонью. Он увидел микрофон у своего рта и мальчика перед собой.

— Вторичный контингент... выводить, — выдавил он. — Приказ отменён. Это Ефим.

Сверху что-то хрипнуло в ответ. Я не стал ждать, пока они договорятся: на экране журнала появилась новая строка. Скопировал и её. Девять минут между списанием и отменой. Всё это время дети стояли здесь, у закрытой двери.

Я сохранил файл, проверил второй — схема открылась. Службная лестница за складскими нишами. Туда. Не к люку, где ждали его люди. Телефон вернулся в карман рубахи; я прижал ткань локтем, чтобы не выронить его, когда пальцы опять сведёт.

Потом я разбил коммуникатор об его же голову. Пластик рассыпался осколками, экран погас. Ефим затих. Над нами по-прежнему трещало дерево.

Ефим больше не пытался подняться. Я присмотрелся: грудь ещё ходила, из разбитого рта тянулся сиплый вдох. Живой. Пусть лежит и ждёт своих. Ни приказа, ни клинка у него теперь не было.

Я выпрямился. Ноги подкосились, но я устоял. Посмотрел на свои руки. Они были в крови. Чужой.

Дети смотрели на мои руки и пятились, если я шевелил пальцами. От пса они прятались так же. Я хотел сказать, что всё, Ефим больше их не тронет, — и увидел, как малышка закрыла лицо, когда я повернулся. Старшая девочка, кото-

рая тянула меня за ворот, подалась вперёд и остановилась. Я убрал окровавленную правую руку за спину, левым предплечьем указал ей на младшего. Она присела к нему, подхватила под мышки. Мальчик, прочитавший приказ, встал между мной и малышкой — но уже лицом к выходу.

— Идем, — сказал я. Голос был хриплым.

Старший мальчик сжал кулаки. Губы у него дрожали, он крепко закусил нижнюю, потом взял за руку младшую девочку и повернулся к лестнице.

Они пошли за мной, оставляя между нами шаг. Я замедлился — замедлились и они. Приближаться боялись, остаться боялись ещё сильнее. Ну и пусть. Пусть держатся за мной, лишь бы дошли до выхода. Я довёл их до котла. Старшая успела поставить малыша на ноги — он сделал шаг и повис на её руках. До лестницы ещё надо было пробиться.

Я подхватил младшего локтем прежде, чем он ударился о пол. Он кашлянул мне в рукав. Живой. Все пятеро ещё здесь.

«Груз доставлен, — сказал Хмурый в голове. — Теперь идем искать сигарету. У меня есть дело». Голос был тихим, удовлетворенным.

— Ещё нет, — я удерживал малыша локтем и смотрел туда, где за нишами должна была начаться лестница. — Мы пока внутри.

Он недовольно шевельнулся у меня в голове. Я подождал новой команды, всё ещё придерживая малыша: мы внутри, Илья, какое «доставлен»? Про сигарету отвечать не стал.

Вдохнул дым и закашлялся. Покурим, блядь. Здесь уже и так было чем дышать.

Я улыбнулся. Криво, через боль.

— Идем, Илья. Идем.

Груз живой памяти

Я подхватил малыша выше и заслонил ему голову, когда потолок начал осыпаться. Жар шёл волнами: я поворачивал голову, искал воздух, а он забивался под воротник, обжигал шею. Перед глазами темнело, и я прижал малыша ближе, чтобы успеть передать его, если ноги опять подломятся. Бетонная крошка грохотала по полу; я втягивал голову, будто сверху швыряли щебень прямо в нас, и старался накрыть малыша собой. Правую руку тянуло вниз. Ефима ею удержал, а теперь будто свинцовый слиток поднимать приходилось. Я пробовал согнуть пальцы, поправить малыша; они оставались скрюченными. В голове уже стояло: груз, заberi груз. Подожди, я хоть вдохну. Мне нужно было набрать воздуха и удержать ребёнка, а Хмурый всё гнал к своей ноше.

— Вставай, щенок, — прорычал голос в голове. Я ощутил этот рык даже в стиснутых зубах и поневоле выпрямил спину. — Груз не любит простоя.

Я сплюнул кровь, опустился перед старшей и передал ей малыша: руки нужны были мне хотя бы на минуту. Рядом

сбились дети. Пятеро. Я пересчитал головы, пока старшая устраивала малыша, и дождался, чтобы каждый поднял лицо. Они закрывались руками, кашляли; на плач уже не хватало воздуха. Я сам глотал его маленькими порциями, с привкусом меди и горелой пластмассы, и всё равно задыхался. Двое взрослых D-рангов оставались у дальней стены. Тот, что раньше бредил, теперь молчал. Я нагнулся, тронул его шею. Никакого толчка. Второй сидел, опустив лицо к груди. Я взял его за плечо, потряс; он завалился на бок. Ещё тёплый, но грудь не двигалась. Я искал пульс и слышал собственный, грохочущий в ушах. Встать было страшнее, чем проверять снова. Но за спиной кашляли дети.

А Хмурый... Илья Хмурый лежал в углу. Я всё слышал его голос и потому снова посмотрел на грудь, подождал движения. Ничего. Под воротом куртка оставалась влажной; знакомый запах пота и пороха ударил в нос, когда я наклонился ближе. Хотелось окликнуть его вслух, заставить подняться — отвечать он теперь мог только у меня в голове.

— Нужно идти, — я схватился за воротник Хмурого. Голос сорвался в хрип.

Тело ветерана было огромным для меня. Но когда пальцы сомкнулись на ткани, в голову толкнулась его старая привычка: поставить ноги шире, держать груз ближе к бедру. Мой бицепс напрягся, наполняясь чужой силой. Руку свело так, что я открыл рот, собираясь выть, и зажал крик зубами: дети и без того боялись моей руки. Я потянул. Куртка затрещала

по шву, труп сдвинулся на полметра. Ещё раз — до котла. На бедре, где резанул Ефим, стало мокро. Я опустил тело, прислонился боком к железу. Я вспомнил, как он ставил стопы под грузом, и попробовал так же. Тело потянуло вдоль бедра, стало чуть легче держать. А колени всё равно тряслись. Илья, ты бы ещё показал, откуда взять сил до лестницы дотащить.

Я переставил ногу и едва не упал: подошва поехала по маслу, крови и пеплу. Ворот Ильи оставался в правой руке. Левой я пытался подхватить самого маленького, лет семи, — он опять обмяк на коленях старшей. На его вдохе свистело. Я тянулся под него, а тело Ильи утягивало меня обратно. Девочка придерживала мальчику голову и ждала. Мне хотелось, чтобы она помогла, но свободной руки у неё тоже не было.

— Оставь, — сказал голос Хмурого. Холодный, расчетливый. — Легче будет. Быстрее дойдем.

Глава 4

Моя кисть всё ещё держала ворот Ильи. Оставить тело. Пальцы продолжали тянуть ткань к себе, будто я мог поднять его вместе со всеми. Потом я понял, чего от меня требуют, и от злости свело зубы. Посмотрел на ребёнка. Веки закрылись, на губах белела пена. Если оставить его здесь, он умрет. Сколько осталось, я не знал. Но правила клановых протоколов, которые я зубрил перед поступлением на курсы подготовки — правда, бросил после первого же дня, — говорили: «Спасай актив». Активом был груз. Активом был навык. А ребенок? Ребенок был мусором.

Но эхо Хмурого знало другое. Его рука в моей памяти ставила ящик на пол и тянулась к детскому рукаву.

— Берём всех, — рыкнул я, освобождая свою кисть от ворота. Старший поднял голову. — Всех пятерых. За руки. За мной.

Старший ещё смотрел на Илью. Я повторил: «За мной», — и он подал руку девочке. Теперь они ждали, когда я возьму малыша. А моя кисть всё ещё помнила ворот. Для Ильи рук не оставалось: придётся отпустить кого-то из живых. Я наклонился к Илье, прежде чем успел начать торговаться с собой.

Я ещё раз присел к Илье. Потянул за разорванный рукав, стянул куртку с плеча. Вторую руку пришлось согнуть в лок-

те, а ткань осторожно отлепить от спины. Я не смотрел туда, где белели ребра. Куртка легла мне на колени. Во внутреннем кармане стукнуло что-то твердое. Маленький чёрный носитель с кольцом. HMUR_09. Сухая кровь на краю, маркировка цела.

Я повернул его к свету — правые пальцы тут же свело. В голове мелькнул тот самый ящик, карман, торопливый рывок молнии. Вот какой груз он забрал с собой. Я сунул носитель обратно, застегнул карман и надел куртку. Рукава оказались длиннее моих рук; пришлось закатать их, чтобы не цепляться. В другом кармане захрустела пачка сигарет.

— Нашёл, — я прижал ладонь к карману. Кольцо носителя упёрлось через ткань в палец; наконец-то груз можно было удержать, не отнимая рук у ребёнка. — Только курить здесь не будем.

Сказал и тут же закашлялся. Илья выбрал отличное место, чтобы напомнить о табаке: от дыма даже его сигареты, наверное, уже просились наружу. Я застегнул куртку выше кармана. Его вещь, его дело — но сначала мой выход.

Я подождал ответа. Хмурый молчал. На секунду даже стало обидно: первая наша договорённость, мог бы хоть буркнуть что-нибудь. Я поправил ему ворот рубахи. Не стал обещать, что вернусь сам. Запомнил котёл, пролом, расположение тел. Передам спасателям, если дойду.

Я нагнулся к мальчику, провёл предплечье под его коленями, принял затылок на сгиб другого локтя и поднял. Стар-

шая помогла, придерживая спину. Вес удвоился — так мне показалось. В глазах потемнело. Но ноги держали. Я распрямлял их сам, опираясь на чужую память о грузе. Малыш закашлялся у меня под подбородком. Я перестал думать о весе, повернул его чуть набок, чтобы он не захлебнулся.

По коридору я должен был выйти к лестнице, а по ней — к люку. До марша мы не добрались: поперёк прохода горели балки, с них стекал расплавленный пластик. Сквозь огонь я пытался разглядеть место, куда можно поставить ногу, и щурился всё сильнее. За пламенем ничего не было видно. Я закрыл ребёнку лицо полой куртки, отступил. Жар добрался до волос на моём предплечье.

— Прохода нет, — голос в голове стал тише; я уже поворачивал от огня. — Обходной путь. Складские ниши.

Я вспомнил схему, которую забрал у Ефима. Лестница начиналась за нишами. Если туда ещё можно добраться, выйдем к ней с другой стороны. Повернул направо, в темный закуток, где среди груды ящиков виднелась узкая техническая дверь. Над ней чернела щель. Из-под потолка тянуло туда дым. Я передал малыша старшей, усадил их за ящиком, старшего оставил на краю: видеть остальных и не лезть ко мне.

— Бей, — приказал Хмурый.

Я разбежался. Или попытался. Ноги путались, бедро ныло. Ударил правым плечом в дверь, берег левое. Дерево треснуло, но не упало. Второй удар. Третий. Я подхватил ручку правой кистью, сжал, потянул вместе с корпусом. Замок

прошёл сквозь трухлявый край. Металл ударил по пальцам, но дверь отступила.

За ней оказалась кирпичная закладка. Два слоя, а не бетонная стена. В верхнем шве гулял воздух. Я посмотрел на свои пальцы, потом на шов. Голыми руками — в кирпич? Хмурый уже заставлял меня поднять руку; я задержал её на миг, проверяя, хватит ли щели для пальцев, и потянулся сам. Я оттолкнул дверь к косяку и просунул пальцы в щель.

— Ещё!

Я дёрнул верхний кирпич. Цемент осыпался, кирпич качнулся. Я придержал его за край, чтобы не уронить себе на ноги, повернул и вытащил. За ним соседний. Пыль забивала ноздри. Содранная кожа на тыльной стороне ладони мокла; кровь оставалась на кирпичках. После каждого кирпича хотелось отдёргнуть руку и прижать к себе. Я смотрел на следующий шов, втискивал туда пальцы и тянул: ещё один. Хмурый подсказывал, как повернуть кисть, но обдирал её я. Над дырой разошлась трещина. Пока я вытаскивал следующий кирпич, от неё побежали ещё две.

— Назад! — я оттолкнул локтем старшего, который подступил слишком близко. Он оттащил девочку за ящик. Я отскочил, прикрыв голову локтем.

Кирпичи загрохотали по полу. Я пригнул голову ниже и переждал, пока последние обломки перестанут отскакивать от ботинок.

Проход открылся. Узкий, заваленный щебнем, но прохо-

димый. Я рухнул на колени. Правую кисть трясло; удержать кирпич мог, разжать пальцы потом — уже плохо. Отгреб мусор ботинком, чтобы дети не порезались, и заглянул в дыру. Малыш кашлял за ящиком. Старшая не отпускала его. Старший выглянул — только теперь, когда я позвал рукой.

— Вставай, — сказал голос. Уже тише. Устало. — Время уходит.

Я выпрямился, дождавшись, пока перестанут подламываться колени. Принял малыша у старшей. Старший первым подставил маленькой девочке колено под стопу, поднял до края пролома. Я прошёл боком, закрыл мальчику голову локтем. За мной пролезли остальные. Мальчик в одной кроссовке уронил второй в щебень. Потянулся за ним, и старший прихватил его за пояс: кроссовок оставался в подвале. Он посмотрел на пустую руку, молча сунул её в ладонь старшей.

Я пересчитал. Младший на руках. Старший. Девочка семи лет. Мальчик без кроссовка. Старшая. Пять. Лезть обратно не нужно.

За стеной оказалась служебная лестница. Откуда-то сверху просачивался свет. Пожар снаружи бушевал всюду, но здесь, в этом бетонном мешке, было относительно тихо. Только капала вода и гудели провода.

Сверху донеслись шаги. Несколько человек шли в одном темпе; никто не бежал и не сбивался. Я остановился посреди ступени. Так по горящему складу ходили только те, кому

здесь нечего было бояться.

— Патруль, — шепнул голос Хмурого. — Замри.

Свет фонарей метнулся по коридору над лестницей. Два луча. Три. Четыре. Я прижался спиной к холодной стене, опустился, чтобы малыш не выдал нас кашлем на уровне перил. Под маршем была ниша за жестяным экраном. Я открыл его, посадил мальчика на свёрнутую куртку старшей. Остальные протиснулись следом. Старший удержал край металла, пока я убирал ногу. Прижали экран вдвоём, через рукава, чтобы он не звякнул.

Сердце било так часто, что я уже не различал отдельные удары. Я смотрел на щель у края экрана: туда ещё можно вылезти, броситься вверх. И тут же представил малыша на руках и четверых, которые ползут за мной под фонари. Остался на месте. Старшая поддерживала малышу голову. Девочка семи лет упёрлась лбом в живот старшему. Мальчик без кроссовка подтянул босую ногу, освобождая мне место. Мы помещались. Значит, можно выдержать ещё немного.

— Тише, — приказал Хмурый.

И тогда произошло странное. Я поймал его ритм дыхания — короткий вдох, задержка, выдох через нос. Попробовал повторить. Сердце всё ещё билось, но я хотя бы перестал хватать воздух с хрипом. Раз. Пауза. Два. Пауза. Дыхание стало поверхностным, почти незаметным. За щелью перестали расплываться тени. Я различал, сколько шагов оставалось между бойцами, куда каждый направлял фонарь. Хму-

рый словно заранее знал, когда луч пройдёт по нашей стене; я сжимался, а свет уходил выше экрана.

Я повторял за Хмурым выдох. Он оставлял между ними столько тишины, сколько я смог выдержать без кашля. Но экран держал я. Металл постукивал о раму. Я подтянул его ближе, сжал пальцы и прекратил стук. За жестянкой оставалось шестеро. Девочка упёрлась в старшего, я держал край; если отпущу, металл опять застучит. Прижал сильнее и дождался, пока луч уйдёт с поручня.

Луч света проскользнул по стене над нашими головами. На верхнем пролёте остановился человек.

— Ефим на старом уровне. Канал пропал.

Подошва с кирпичной крошкой повернулась возле щели. Я смотрел на неё и ждал. Старший держал девочку за затылок, прижимая к себе: она хотела отодвинуться. Шаги ушли дальше, вниз. Я не открывал сразу. Досчитал до десяти, увидел пустой пролёт.

— Идём, — скомандовал голос.

Я поднял мальчика. Старшая забрала свою куртку с пола и накинула на плечи. Старший придержал экран, выпустил остальных. Мы двинулись. Перед каждой ступенью я смотрел под ноги: стекло у края, провод поперёк. Переступал, ждал, пока пройдут дети, и лишь тогда поднимался дальше. За мной шли четверо, задевали пятки; я больше не просил отойти. Но в одном месте оборванная проводка зацепилась за рукав старшей. Щелчок. Искры.

— Сука! — выругался я мысленно и оттолкнул провод локтем, не разжимая рук под малышом.

Снизу послышался крик.

— Там движение! На служебной лестнице!

Я не стал ждать. Рванул вперед — настолько, насколько мог с ребёнком и раной на бедре. Старший поднимал малышку по ступеням, мальчик без кроссовка придерживал старшую за рукав. Я оглядывался на каждом повороте. Четверо позади. Младший у меня. Куртка Хмурого зацепилась за гвоздь на ограждении, ткань затрещала. Я отступил на полступени, дал рукаву слабинку и высвободил его, прежде чем тащить детей дальше. Карман с носителем упёрся мне в грудь. На месте.

Лестница кончилась. Перед нами была металлическая дверь аварийного выхода. Запертая. Изнутри виднелся засов, но его ручка торчала в ржавом пазу. Я поставил малыша на куртку старшей, опустился рядом, завёл правые пальцы под рычаг. Не сдвинулся. Попробовал ещё раз. Шевельнулся, но встал поперёк паза.

— Пробивай, — сказал Хмурый.

Я ударил ногой в нижнюю часть двери. Засов не поддался. Ударил ещё раз. Правым плечом. Дверь гудела. За спиной снова застучали шаги. Я схватил рычаг обеими руками, упёрся ботинком в косяк. Только бы он сейчас сдвинулся. Всё, что ещё оставалось в руках и спине, я пустил в этот рывок. Потянул всем корпусом. Правая рука напряглась до пре-

дела. Кожа на предплечье лопнула по старой борозде.

Из крепления высыпалась ржавчина. Я вырвал засов из перекосившегося паза, прижал дверь плечом. Она распахнулась наружу. Я ещё секунду держал вырванный засов в руке, будто он мог понадобиться вместо двери. Потом увидел дождь в раскрытом проёме. Лишь бы теперь никого не забыть с той стороны.

На лицо попал дождь. Я вдохнул жадно, до кашля: холодный воздух пах бензином и озоном, а не горящим пластиком. Хотелось постоять в проёме ещё секунду, подставить дождю рот. Я обернулся к мальчику.

Я поднял мальчика; старшая забрала свою куртку с пола, накинула на плечи. Я вывалился наружу, на сырую землю промышленной зоны. Упал на колено, выдыхая дым и кровь, но удержал затылок на локте. Старшая сняла куртку с плеча, подстелила. Мы уложили малыша вместе. Он кашлянул и вдохнул. Я смотрел на него, пока не вдохнул второй раз.

Где-то далеко, за периметром склада, выли сирены. Полиция Разломов. Скорые. Люди.

Я поднял голову. Глаза, воспаленные от дыма, видели мир странно. Цвета казались блеклыми, контуры предметов — излишне четкими. Дождь отстукивал по листам железа; я слышал его даже сквозь сирены и собственный кашель. Старший вывел девочку на бетонный порог, придержал за локоть, спустил. За ними мальчик без кроссовка. Старшая уже сидела возле младшего. Все пятеро снаружи.

— Мы вышли, — прошептал я, ладонью опираясь на порог. Правые пальцы опять не хотели разжиматься.

— Мы не закончили, — ответил голос. — Груз доставлен частично. Пятеро живы. Другой... найди сигарету.

Я усмехнулся. Смешок вышел истеричным. Другой груз лежал у меня в кармане, NMUR_09. А пачка — в соседнем. Посмотрел на свои руки. Черные от сажи, красные от крови, опухшие от ожогов. Хмурый заставлял эти руки таскать кирпичи, а я теперь не мог разжать их даже ради сигареты. Носитель я прижал предплечьем: ладонью взять маленькое уже не сумел бы.

За дверью застучали ботинки. Я захлопнул её, всунул вырванный засов в петлю и встал боком, придерживая ручку. За сеткой мигали синие огни, но люди смотрели к воротам, а не на нас. Я набрал воздух.

— Сюда! Дети здесь!

Голос сорвался. Старший закричал за меня. Девочка вскочила, замахала руками. Её кашель снова сменился визгом — и я впервые был рад его слышать. Пожарный за сеткой обернулся. Побежал к нам, на ходу вытаскивая инструмент. Проволока закрипела, лопнула. Двое в жилетах протиснулись в разрез.

Я держал ручку, пока один из пожарных не встал возле двери вместо меня. Отпустил — и ноги подогнулись. Он подхватил меня под мышку. Я пытался повернуть голову к малышам: женщина из скорой уже приложила пальцы к шее са-

мого маленького, расправила маску.

— Дышит. Ещё четыре маски сюда.

Четыре. Я смотрел, как их надевают. Старший терпел. Девочка пыталась стянуть резинку; он взял её ладонь и показал на свою маску. Мальчик без кроссовка наконец разжал пустую руку. Старшая села рядом с младшим. Пять.

К нам побежали ещё люди. Я услышал топот и поднял голову.

— Стоять! Не двигаться!

Я замер. Полицейский остановился передо мной, посмотрел на руки, перевёл взгляд на детей. За ним гудела рация. Я стоял в грязи, среди живых, и держаться больше было не за что. Он смотрел на кровь у меня на ладонях, потом на детей. Я хотел сунуть руки за спину, не успел: пальцы опять свело. Полицейский всё видел. Но теперь видел и пятерых возле скорой. Я кивнул туда прежде, чем смог объяснить, чья кровь осталась внутри.

Я закрыл глаза. Хмурый больше не подсказывал, куда поставить ногу и как удержать спину. Бедро заболело так, что я перестал на него опираться; следом обожгло ладони. Я повис на пожарном, уже не стесняясь этого. Пожарный посадил меня на ступеньку, и хотя бы падать больше было некуда.

Первым, что я услышал, усевшись, был голос полицейского:

— Боже мой... Что тут произошло?

Я попробовал ответить сразу, пока он не принял меня

за ещё одного раненого, который ничего толком не видел. Только воздух вышел со свистом, а слов не получилось. Пришлось согнуться над коленями и дожидаться вдоха. Полицейский не ушёл: его ботинки остались передо мной, рядом с моей окровавленной повязкой. Значит, ещё успею рассказать.

Полицейский замолчал, давая мне отдышаться. Я сидел с закрытыми глазами и слушал собственный свистящий вдох. Сквозь него пробился тихий шёпот:

«Не теряй груз.»

Я открыл глаза. Под дождём маски запотевали изнутри, по очереди. Дети дышали. Можно было говорить.

— Нас заперли, — я кивнул на склад. — Командир Ефим. Он внутри. Рука разбита. Ещё трое наших у котла... Я не смог их вынести.

Полицейский присел, чтобы расслышать. Достал блокнот, начал записывать. Я показал место выхода, лестницу, объяснил, где тела. Про детей он переспросил отдельно.

— Пять, — я поднял левый локоть вместо ладони и повёл им в сторону машин. — Здесь пять.

Их переносили через разрез в сетке. Старший оглянулся. Поднял ладонь, испачканную сажей. Я поднял локоть ещё раз. Получилось глупо, но он понял. Даже улыбнулся под прозрачной маской.

Я достал телефон. Не пальцами — зажал обеими ладонями и вытолкнул из внутреннего кармана рубахи. Полицей-

ский придержал, пока я включал экран костяшкой. Журнал, схема, приказ. Копии у меня остались. Он прочитал подпись Ефима, поднял глаза и прочитал ещё раз.

— Откуда это?

— Его коммуникатор, — я подвинул экран, чтобы ему не пришлось брать меня за руку. — Он нас списал. До того, как спустился.

Я дал отправить файлы на служебный адрес, смотрел за его пальцами. Только эти файлы. Носитель в куртке оставался моим; полицейский о нём не спрашивал, я не говорил. Имя он взял из паспорта — вытащил из кармана рубахи, когда я сам не справился, вернул туда же. Потом написал мне номер, по которому можно сообщить, если ещё что-нибудь вспомню. На моём телефоне появилось подтверждение доставки. Я задержал взгляд на подтверждении. Пока я здесь сидел, приказ Ефима уже оказался на служебной почте. Теперь ему придётся объяснять подпись, а не только рассказывать, как прошёл рейд.

К этому времени мне стало так плохо, что спорить со скорой не получилось. Женщина разрежала брюки у бедра, прижала салфетку к порезу. Я дёрнулся. Она не отпустила, дождалась, пока кровь перестанет пробиваться, и закрепила повязку. Потом занялась руками. Правую держала за запястье, левой поливала пальцы над лотком. Чёрная вода сменилась красной. Я смотрел, как она течёт, и впервые за всю ночь хотел чего-то простого: чтобы ещё лила. Чтобы хоть это

не прекращалось.

В больнице я провёл почти два часа. Левое плечо оказалось ушибленным, не сломанным. Врач дал попробовать поднять руку; я поднял наполовину и попросил больше не надо. Бедро промыли и закрыли повязкой. На ладонях кожа оставалась ободранной, ноготь слева был сорван. Когда врач взялся за ободранные ладони, я едва удержался на месте. Ефима держать было проще: там передо мной стоял Ефим, и отпускать я его не собирался. Здесь хотелось выдернуть руки после первого касания.

Над правой кистью пискнул сканер. На экране светилась буква Е. Рядом — пустое поле класса. Я успел разглядеть, прежде чем врач повернул прибор к себе.

— Пробуждение было?

Врач придержал моё запястье, не давая повернуть сканер обратно. Я успел прочесть букву и теперь смотрел на него, ожидая, скажет ли сам. Он ждал моего ответа. Рассказать про детей было легко: они живые, их уже увезли. Про голос Ильи я пока не мог сказать даже здесь, над лотком с собственной кровью.

— Кажется, — я смотрел на серый край кожи возле бинта. — На рейде.

— Утром в Реестр, — он положил прибор на стол, поднял мою кисть за запястье и опять взялся за бинт. — Здесь регистрацию не делаем. До осмотра не активировать.

Я кивнул. Хотелось спросить, чем именно не активиро-

вать: хватку я сейчас не мог даже нормально отпустить. Врач подвёл под мой локоть подушку, распечатал справку. Предложил остаться. Я позвонил матери — держал телефон между предплечьями, врач нажал нужную кнопку. Мама ответила сразу.

— Мам, я живой. Уже осмотрели. Домой приеду.

Она помолчала. Я слышал, как у неё звякнула ложка.

— Приезжай, — сказала она. — Остальное дома расскажешь.

Я подписал отказ левой рукой. Кисть повело, фамилия съехала с линии. Врач придержал лист, дождался. Дал запасные салфетки и ещё раз велел утром зарегистрироваться. Я положил справку к паспорту. Куртку Хмурого на осмотре держал на коленях, теперь надел сам. Карман с NMUR_09 оттопыривался под ребром. Хмурый всё это время молчал.

От больницы меня подвёз знакомый медсестры. Я назвал адрес и спросил, сколько должен. Он махнул рукой, потом увидел бинты и сам открутил крышку бутылки с водой. Я зажал её предплечьями, выпил несколько глотков. Вода была тёплая. Я проглотил и подождал: горло саднило, но нового кашля не было. На третьем глотке понял, как давно хотел пить. Всю дорогу удерживал бутылку коленями.

За два квартала до подъезда вышел. На улице пахло дождём и мокрым асфальтом; от чужих духов в машине мутило. Водитель дождался, пока я сверну за магазин. Я шёл вдоль знакомых стен и придерживал куртку локтем. Пальцы

ещё умели держать тяжёлое. Ключ на кольце брать уже отказывались.

У домофона повязка с правой ладони сползла. Я наклонился, поднял её с мокрого асфальта, прижал к ладони. Над считывателем мигал огонёк камеры. На пятом этаже светило кухонное окно. Мать не легла.

Я полез за ключом.левой рукой вытолкнул кольцо из кармана, правым запястьем прижал к считывателю. Замок не открылся с первого раза.

— Завтра, — сказал я тихо. — Сейчас к матери.

Внутри шевельнулся Хмурый. Я удержал кольцо запястьем у считывателя. Его куртка, его хватка — пусть. Адрес я назвал свой. И сейчас открою эту дверь, а груз дождётся утра. За спиной остался склад. У меня — файлы с подписью Ефима, первый уровень и чужой груз. За этой дверью ждала мать, которой я обещал просто разгрузку.

«Не теряй груз.»

Глава 5

Кровь на простынях

Я приложил ключ к домофону и подождал. Дверь оставалась закрытой. Ещё раз приложил — ключ съехал, пальцы опять дрожали. Да что ж такое. До своего подъезда добрался, а войти не могу! Прижал ключ запястьем, чтобы хоть так удержать возле считывателя. Давай, открывайся. Мне теперь даже за дверную ручку страшно брать, а ты всё не пускаешь. Палец соскользнул. На пластике остался жирный след, а над рукой мигнул красный диод. Камера. Вот уж перед ней я бы меньше всего хотел возиться: ещё спросит кто-нибудь потом, почему пришёл в крови. Бинты спрятать не получится, пока открываю дверь. Хотя бы лицо уберегу. Я натянул капюшон ниже, до висков. Слишком туго, ткань давила на голову, но пока сойдёт — лишь бы в камере поменьше лица осталось. Дверь наконец поддалась, когда я толкнул её плечом. Скрипнула, и пахнуло сыростью, кошачьей мочой. Наш подъезд. Я никогда не думал, что обрадуюсь этой воню.

Я вдохнул и поперхнулся собственным запахом. Даже подъездная вонь не перебивала гарь и медь. Мама сразу почувствует, стоит мне войти. Сначала бы до воды добраться,

умыться — хоть лицо не показывать ей таким. Руки горели. Я разжал пальцы, чтобы не содрать сползшую повязку ещё сильнее. Отогнувшиеся края марли открывали ладони, и я всё время косился на них. Пузыри, слезшая кожа, розовое мясо возле ногтей. Сажа въелась под ногти так, что их было едва видно. Дома это придётся отмывать; сейчас даже представить воду на этих местах было больно. На правой ладони марля опять съехала. Я уже пытался её поправить после больницы: салфетки врач дал, чистые, всё как надо, а толку? Положить на ожог смог, завязать не получилось. Стоило потянуть узел, начинало драть кожу. Ослаблял — и бинт полз обратно. Сейчас даже за край браться боялся: другой рукой придётся тянуть поверх этих пузырей. Лучше уж дойду так, чем опять отдирать присохшее. В ванной будет вода, там и разберусь, только бы дойти. Я шёл вверх и всё забывал, что за перила лучше не хвататься. Костяшки ломило, плечо ныло; стоило потянуться рукой, сразу хотелось остановиться. Под повязкой на бедре тянул порез. Приходилось опираться на перила предплечьем и смотреть на следующую ступеньку, а не думать, сколько ещё таких впереди. На четвёртом этаже я остановился, прислонившись спиной к стене. Я мог подняться ещё на этаж. Наверное. Только почему даже стоять возле стены так трудно? Ладно, постою. Пока никто не видит, можно не делать вид, что со мной всё в порядке. Я задержал дыхание: в голове стучало, хотелось хоть ненадолго остаться без этого шума. Склад всё ещё гудел у меня в ушах. Я

ждал, когда шум отпустит, и только тогда заметил дыхание: тяжёлое, с перебоями. Чужое. Я ведь задержал своё, а оно продолжалось. Во рту стоял табак вперемешку с кровью. Я уже собирался набрать воздух, а оно всё продолжалось. Так страшно стало, что дышать расхотелось вовсе. Я ведь один на лестнице, откуда здесь табак? Даже рот был словно чужой.

«Где груз?» — Хмурый спросил так внезапно, что я едва не ответил: здесь, в кармане, куда ему деться? Стиснул зубы. Разговаривать с ним посреди подъезда ещё не хватало. Дети у спасателей, флешку я унёс. Всё сделал, Илья, дай мне дойти. Наверху мама ждёт; я ещё вчера сказал ей, что иду только разгружать, и сейчас она наверняка прислушивается к лестнице. До нашей двери один этаж, а я даже «привет» сказать ей боюсь: вдруг вместо меня снова рявкнет он?

Я выдохнул. Ответа вроде бы не было, только шуршало где-то внутри — будто удалялись шаги по сухим листьям. Я постоял, ожидая, что он ещё раз спросит про груз. Шуршание стихало. Можно идти, пока опять не заговорил. Я поднялся на пятый этаж, где находилась наша квартира. Дверь была приоткрыта. Из щели тянуло запахом жареного лука и валерьянки. Я задержался у щели: борщ. Мама сварила его и для меня тоже, а я всё ещё собираюсь врать ей про склад. От жареного лука захотелось есть, и вместе с голодом стало стыдно — она здесь ждала, пока я таскался по складу. Сейчас войду и увижу нашу кастрюлю, тарелку на столе. Сесть бы за наш стол и поест, пока она возится рядом. Просто

сесть и поесть, как до этого рейда. Вот бы сейчас просто войти и спросить, есть ли борщ. Без Хмурого. Без этого груза, который он никак не даст мне забыть.

Из кухни падал жёлтый свет единственного плафона. Под ним мама, Елена, спала за столом, положив голову на сложенные руки. Перед ней стояла тарелка с недоеденным борщом. Она даже поесть не смогла, пока ждала, а я всё ещё собирался сказать, что просто задержался. Я замер на пороге кухни. Я боялся сделать лишний шаг. Боялся, что скрип половицы разбудит её раньше, чем я успею придумать ложь. Но стоять дальше я уже не мог: плечо тянуло, ладони жгло под грязной марлей. До ванной было несколько шагов. Отмыться, убрать кровь с лица — тогда хотя бы не придётся начинать объяснение прямо на пороге.

Я тихо закрыл входную дверь, проверил защелку. От щелчка я замер: после складских выстрелов защёлка ударила по ушам почти так же резко. Сейчас мама поднимет голову. Мать дернулась, но не проснулась. Только всхлипнула во сне.

Я прошёл в ванную. Свет включать не хотелось — в темноте мать могла не заметить крови. Но снять присохшую марлю на ощупь я не решился. Повернул выключатель локтем, положил чистые салфетки на стиральную машину, куртку повесил на крючок. Нашёл кран и пустил воду тонкой струёй. Подставил край повязки, подождал, пока марля отпустит. Боль стала острой, режущей. Я почти отдёрнул руку,

но увидел, как отходит край марли, и удержал её под струёй. Ещё немного. Лучше потерпеть здесь, чем потом снова отмачивать прилипшее. Холодная вода смывала сажу, грязь, кровь Хмурого. В зеркале над раковиной я следил, как плохо слушаются распухшие пальцы, когда я пытался их расправить. Вода текла по костяшкам, а чёрная грязь оставалась. Вокруг ногтей кожа сошла; на розовую плоть смотреть было трудно, но я всё равно проверял каждый палец. Этими руками ещё придётся взять ключ и открыть нашу дверь завтра.

— Леша? — Мать остановилась у ванной, ладонью придерживая дверь.

Она ещё сонная. Может, не успеет толком рассмотреть меня? Я приготовился сказать «иди спать», но горло уже саднило. Буду стоять и молчать — сама подойдёт, ещё и испугается сильнее.

Я обернулся слишком резко и зацепил плечом полку. Флаконы качнулись. Вот ещё этого не хватало! Рука сама выхватила один, пока он не упал, и я уже хотел поставить его обратно, когда почувствовал, как сжимаются пальцы. Хватка. Здесь, в нашей ванной, на шампуне. Отпусти, это шампунь! Обычный наш флакон. Я пытался убедить собственную руку, будто она могла меня послушать, а пластик проминался всё глубже. Мама уже стояла рядом, мне бы сказать ей хоть что-нибудь, но я всё ещё боялся загреметь полкой. Пластиковый флакон смялся, из-под крышки брызнул шампунь, а пальцы свело судорогой. Я поставил его на раковину, разжи-

мая кулак другой рукой.

— Я здесь, мам, — я прикрыл флакон локтем. Голос сорвался на хрип. Я откашлялся. Можно же сказать как обычно: да, мам, это я, иди спи. Две минуты — и буду в кровати. Я попробовал поймать этот ленивый домашний тон, только горло после дыма не слушалось. Мама ждала, и пришлось говорить как есть. — Это я. Тушил пожар... На складе. Я в больнице уже был.

Мама стояла в дверном проеме. На ней был старый халат, волосы растрепаны. Она видела, как я ловил флакон; скрывать руки было поздно. Она посмотрела на моё лицо, потом опустила глаза к ладоням. Вот тут я и спрятал их за спину — поздно, конечно. Теперь мама ещё и знала, что показывать не хочу. Я сказал про больницу и ждал, что этого ей хватит: меня уже осмотрели, можно выдохнуть. Но она даже из дверей не ушла.

— Пожар? — Мама упёрлась рукой в косяк и наклонилась, пытаюсь увидеть, что я прячу. Вот этого «Пожар?» мне хватило. Мама ждала, а у меня кроме пожара ничего не было приготовлено. Скажу про детей — придётся рассказывать, зачем полез в подвал. Скажу, что помогал тушить, — она спросит, почему голыми руками. — Ты что, под краном прятался от меня? Лёша, я же вижу. Почему у тебя руки в крови? Ты скажешь мне наконец?

— Сажа, — соврал я. Я отвернулся к раковине, набирая воду в кружку. Дрожащие пальцы едва слушались. — Ожоги

мелкие. Я уже обработал... почти.

Мать подошла ближе. Она не трогала меня, только стояла рядом и морщила нос. Тот же запах, который чувствовал я, когда вошёл. Что она могла тут ещё учуять? Гарью я бы отговорился. Но сквозь неё лез озон, грозовая резкость вперемишку с железом — от Разлома пахло именно так. Мама стояла рядом, а я не знал, слышала ли она когда-нибудь про этот запах. Если да, про пожар врать уже бесполезно. Я ещё раз потёр шею мокрым краем полотенца. Запах не исчез. В больнице тоже не смылся.

— Иди сюда, — мама отодвинула табурет и положила аптечку на стол. Аптечка была открыта. Мама даже спорить со мной не стала: садись, будем смотреть твои «мелкие». Я представил, как она перевернёт ладони под светом, и захотелось ещё раз сказать про больницу. Только повторять это было уже стыдно.

Я ещё стоял возле раковины, когда Хмурый заскулил: *«Не трогай! Они увидят!»* Кого он сейчас принимал за «них»? Маму? Она ждала с аптечкой, приготовила бинты для меня. Ей я хоть руки могу показать. Я пошёл к столу, стараясь разобрать её голос за его криком. Пускай орёт: после больницы я уже пробовал перевязаться сам, снова этого не хочу.

Я забрал куртку из ванной и повесил на спинку стула. Справку и лист отказа от госпитализации положил на стол. Мать прочла оба, ткнула ногтем в мою подпись. Я сел на та-

бурет, не дожидаясь второго приказа. Мать включила верхний свет. Я моргнул, щурясь: в ванной ещё можно было отвернуться от зеркала, а здесь мои руки лежали прямо перед ней. Мама взяла мою правую руку. Кожа под её пальцами была горячей, воспаленной. Она перевернула ладонь. Я следил за её пальцами: только бы не задела волдыри. На чёрных подушечках её взгляд задержался, и мне стало стыдно за своё «мелкие». Ожоги второй степени, а я опять отмахивался, будто просто обжёгся.

— Кто тебя научил тушить пожар голыми руками? — Мама выложила бинты рядом с моей рукой и потянулась в аптечку за мазью. Мама поворачивала тюбики к свету, читала названия, искала нужный. Я сидел и смотрел на неё. Хоть бы ругала уже. Тогда можно было бы буркнуть в ответ, что сам знаю, и хоть ненадолго стать обычным её сыном, а не тем, кого она теперь боится тронуть.

— Никто, — буркнул я, придерживая запястье на краю стола, чтобы не дёрнуть рукой. — Мам, потом поругаешь, ладно?

Вот сейчас бы рассказать ей: там дети были, мам. Как же я мог уйти? Она бы поняла. Но дальше начнёт спрашивать, как я вывел, кто помогал. Придётся назвать Илью. От одной мысли о нём я опять вспомнил подвал, и слова про детей так и остались при мне.

Мать сверилась с назначениями, отмочила остаток марли и начала менять повязку. Средство зашипало у края ожога.

Я стиснул челюсти, чувствуя, как в висках пульсирует кровь. Я следил за бинтом, стараясь не дёрнуть руку, и вдруг перестал видеть мамины пальцы. Кухня пропала. Вместо бинта — склад, горящие балки, Хмурый. Лицо у него корчилось от боли, и я хотел отвести взгляд: знаю же, что будет дальше. Мама держала мою руку, я ещё чувствовал табурет под собой, но склад никуда не уходил. Хоть бы она опять назвала меня по имени. Я увидел пулю, входящую в грудь Ильи. Почувствовал, как рвется плоть. Услышал хрип умирающего человека.

— Леша! — Мать хлопнула меня по щеке. Легко, но ощутимо. — Ты меня слышишь? Не отключайся. Ты меня пугаешь. Скажи, если больно. Кричи.

Я моргнул — и снова различил мамины пальцы над бинтом. Ладонь жгло уже здесь, на столе. Мама смотрела мне в лицо, дожидаясь ответа; я задержал взгляд на ней, боясь опять провалиться в склад.

— Мне кажется... — Я посмотрел на мать. Она всё ещё держала мою руку под марлей, и убрать её было бы проще, чем договорить. — Мам, я вижу вещи, которых нет. Вот сейчас ты меня бинтуешь, а я опять на складе. Я знаю, что сижу здесь, но всё равно вижу.

Мама замолчала и ещё раз провела бинтом вокруг запястья, хотя повязка уже держалась. Я потянул руку к себе — она придержала, подняла глаза. Шесть лет назад так же смотрела на отцовский телефон: ждала ответа и уже знала, что

привычного ответа не будет. Сейчас телефон не звонил, за столом сидел я, а она всё равно медлила завязать последний узел. Я хотел спросить про отца, но мама наконец затянула бинт и опустила мою руку на стол. Спросить бы её про папу. У него тоже было такое? Мама наверняка поняла, о чём я говорю: зачем бы ещё так долго тянуть с узлом? Я открыл рот, но ничего не спросил. Она вспомнит, как он приходил с рейдов. Потом тот рейд, с которого не пришёл. Я ведь сам только что сказал, что вижу несуществующее, — ещё и про отца заставляя её рассказывать сейчас не смог.

— Знаю, — она пододвинула мне тарелку и развернула ложку ручкой к левой руке. — Ешь. Потом спать. Завтра обсудим.

Я взял ложку из-под её пальцев. Борщ был холодным. Правая рука все еще болела, но хватка стала увереннее. Я задел локтем куртку Хмурого на спинке стула. В правом кармане что-то стукнуло по дереву. Я перестал есть. Флешка. Пока мама бинтовала меня, я про неё совсем забыл, а она всё время оставалась возле нашего стола. Я сел ужинать с вещью, из-за которой на складе убивали. На мамин вопрос соврал, руки показал — и теперь собирался доесть борщ, будто ничего больше не принёс.

Пока мать отвернулась к плите, проверяя кастрюлю, я незаметно скользнул пальцами в карман. Там лежала мятая пачка сигарет «Прима» без фильтра и маленький пластиковый предмет. На чёрном пластике блеснуло серебристое

кольцо. Я повернул находку ровно настолько, чтобы разобрать гравировку: `NMUR\_09`. На складе эти буквы я едва разобрал среди огня. Теперь они лежали под нашей кухонной лампой, возле холодного борща. Хоть бы ошибся, хоть бы оказался какой-нибудь другой кусочек пластика. Но гравировка никуда не делась: та самая флешка.

Флешка была знакомая. А сигарет я прежде не видел — скомканная чужая «Прима», я даже не знал, что Илья оставил её в куртке. Знал только: нельзя брать чужое. Самому смешно, мёртвому уже всё равно, но я держал пачку и ждал, что он сейчас велит положить обратно. При жизни он бы просто забрал пачку, даже объяснять не стал бы. Сейчас его куртка висела на моём стуле, голос сидел в моей голове, а сигареты держал я. Вот как понимать, что человеку уже всё равно, если он орёт в тебе? Я мог сунуть вещи обратно и сделать вид, что не заглядывал. Только на складе я сам унёс флешку. Кто теперь разберётся, что он за ней прятал, если я тоже от неё отвернусь?

Я сунул флешку обратно в карман, надеясь, что мать не заметила. Но когда я вернулся к тарелке, мама уже сидела напротив, скрестив руки на груди.

— Что у тебя в кармане? — Она протянула руку через стол, ладонью вверх.

— Ничего, — я подцепил ложку, но так и не донёс её до рта.

— Куртка пахнет трупами, сын. А ты прячешь руки. —

Мать убрала ладонь и отодвинула мой нетронутый борщ.

В этот момент флешка в кармане завибрировала. Тихо, едва заметно, но я почувствовал этот ритм, когда снова коснулся кармана куртки. Стоило прижать руку к карману, дрожь усилилась. Неужели биометрический замок чувствовал Хмурого во мне? Вибрация была слабой, но нарастающей.

Свет в кухне мигнул. Один раз. Два раза. Телевизор в углу, который мать забыла выключить, начал шипеть помехами.

— Что это? — Мать встала и потянулась к телевизору, но я придержал её за рукав выше локтя. Она оглянулась на меня, на мою руку — и перестала тянуться. Объяснения я ещё не придумал, зато уже понял, что ей нельзя хвататься за технику, пока у меня в кармане эта штука.

Я посмотрел на телевизор, потом на свет над столом. Помехи начались, когда я коснулся флешки. Я отнял руку от кармана; шипение не прекратилось. Значит, просто спрятать её под куртку уже не получится. Я вспомнил глазок домофона. Если помехи добрались до подъезда, кто-нибудь вызовет техника. А тот начнёт искать источник.

Я быстро встал, схватил жестяную коробку из-под печенья, стоявшую на полке, и бросил туда флешку. Коробка металлом заглушила вибрацию, но не полностью. Я прижал крышку: жесть мелко дрожала под пальцами. Что творилось внутри, я не знал.

— Мне надо выйти, — я прижал коробку к груди и шагнул к прихожей.

— Зачем тебе в три часа ночи выходить? — Мать встала между мной и дверью.

— Потому что мне нужно выбросить мусор. — Я поднял коробку, будто это могло что-то доказать.

Мусор в коробке из-под печенья, прижатой к груди обеими руками. Я сам услышал, как это звучит, но взять слова обратно уже не мог. Мать даже не посмотрела на коробку: всё это время смотрела мне в лицо.

Мама шагнула ко мне, перехватила меня за запястье выше повязки.

— Ты стал Пробуждённым, да? — Она отвернула моё запястье к свету, не касаясь ожога.

Компрессор холодильника щёлкнул и остановился. Я смотрел на мать, не в силах ответить. Я чуть не повторил «ничего». Мама всё ещё держала моё запястье; большой палец лежал выше бинта, как когда я был маленьким и она проверяла, не сломал ли я руку. Я посмотрел на этот палец и так и не выдавил новую ложь. Я бы ещё мог соврать про склад, про врача. Только сейчас она спрашивала о том, что знала сама, а я всё ещё пытался закрыться словом «ничего».

— Отвечай, Лёша, — мама не отпустила руку, когда я попытался отвернуться.

— Да, — я перестал тянуть руку, вернулся к столу и поставил коробку. Слово далось с трудом, словно глотал стек-

ло. — Но я не знаю правил. Я не знаю, кто они.

— Кто «они»? Клань? Реестр? — Мама наклонилась ко мне, заслоняя дверь плечом.

— Все. — Я сел обратно; стоять под её взглядом было труднее, чем перед врачом.

Мать отпустила мою руку. Выпрямилась. Она перестала смотреть на ожоги и повернулась к входной двери. Халат на плече съехал, но мама не поправила его. Я ждал следующего вопроса; она вместо этого оглядела стол, где лежали мои бумаги. Я тоже посмотрел на бумаги. Ещё минуту назад прятал их от неё, теперь мама сама выбирала, куда спрятать. Теперь мы прятали одну тайну на двоих.

— Тогда слушай меня внимательно, — она собрала мои бумаги и спрятала их под куртку. — Если они пришли за тобой, они придут и за мной. Поэтому мы будем делать вид, что ничего не случилось. Ты идешь спать. Я убираю кухню. Завтра утром ты скажешь, что поранился на стройке. Понял?

Я кивнул.

— А флешку? — Я придвинул звенящую коробку к краю, поближе к ней.

Мама посмотрела на жестяную коробку, которую я только что поставил на стол. Она вибрировала так сильно, что металл звенел.

— Холод убивает энергию, — она открыла холодильник, убрала банку с нижней полки. Откуда это? От отца-рейдера? Я не знал. — Положи коробку в холодильник. Под продукты.

Пусть остывает.

Я замер.

— Откуда ты знаешь? — Я удержал коробку на столе, не отдавая ей.

Мать отвела взгляд к раковине.

— Твой отец тоже прятал такие вещи в холоде. — Мама подвинула банку обратно, потом опять убрала: полка уже была пустой. — Когда приходил домой после рейдов. Он говорил, что тепло заставляет мёртвых говорить громче.

Я повторил про себя: «мёртвых говорить громче». Отец приходил с рейдов, убирал такие вещи под продукты, а я шесть лет после его гибели ничего об этом не знал. «Наследник» — класс, который я получил сегодня. Неужели у отца было то же самое? Я посмотрел на мать, но она уже отвернулась к раковине и тёрла чистый край. Расспрошу утром. Сейчас она держалась за него так, что побелели пальцы.

Я медленно подошел к холодильнику. Открыл дверцу. Внутри гудел компрессор. Я поставил жестяную коробку на нижнюю полку, между банками с огурцами и пакетом молока. Вибрация прекратилась. Я ещё подержал пальцы на крышке, ожидая нового толчка. Жесть оставалась неподвижной; теперь я слышал только компрессор и как мать возится у раковины. Убирать руку всё равно пришлось через силу.

Я убрал руку с крышки, и в голове щёлкнуло. Хмурый зашипел — я слышал, как он давится словами, будто его самого заперли вместе с флешкой. Коробку трясти перестало, а

его только сильнее задело:

«Не теряй её. Она — мой билет в ад. И твой тоже».

Глава 6

Я захлопнул дверцу холодильника. Свет в кухне снова загорелся ровно, без мерцания. Помехи в телевизоре исчезли.

Я пошел в свою комнату. Лёг на кровать, не раздеваясь. Закрыв глаза. Хотелось уснуть прямо так, до утра больше не поднимать рук и ни на что не отвечать. Но я опять видел лицо Хмурого в последний момент жизни; стоило отвернуться от этого лица — собственную комнату тоже не удавалось вернуть. Его страх я узнавал, а вот ярость была чужой: я хотел остаться здесь, в своей кровати, он требовал встать и закончить то, за что умер.

Потом я расслышал девичий голос. Хмурый всё ещё говорил, а под ним тянулось что-то совсем тихое, тонкое, как паутинка. Я прислушался: если пропущу сейчас, уже не пойму, что она просила. Даже повернуться на кровати боялся, словно от этого голос мог оборваться. В полусне я снова увидел маленькую руку у лестницы. Девочку я вывел, видел возле скорой. Почему же теперь никак не мог до неё дотянуться?

«Помоги...» — прошептала тьма.

Я открыл глаза и не сразу понял, что лежу дома. Сердце колотилось, лоб был мокрый. Я смотрел в темноту и пытался вспомнить девочку возле скорой: вот она, живая, я сам довёл её туда. Зачем же только что звала? Вдруг я всё перепутал? Ладони ныли, подвал опять стоял перед глазами. На-

до узнать про детей у человека, который остался с ними, а не у голоса в собственной голове. Я сел, включил лампу и взял лежавший рядом телефон. Флешка подождёт до завтра. А номер полицейского у меня есть — он сам дал, для таких звонков и дал. Нашёл номер и задержал палец над вызовом. Три часа ночи. Сейчас разбужу человека, который и без меня весь день провёл на складе. А если он ещё там, отвлеку от дела. Я уже почти убедил себя подождать до утра, но стоило посмотреть на номер снова, вспомнил маленькую руку. Полицейский хотя бы сможет сказать, где девочка. От того, что я дам ему поспать, её голос в голове не перестанет просить о помощи.

Цифровой шум

Я подвинул кружку поближе и обхватил её через полотенце: жёсткая ручка давила на ожоги. Утро в квартире пахло остывшим борщом. Я попробовал вдохнуть поглубже: ночной резкости больше не чувствовалось. Ночью мама прятала мои бумаги под куртку Хмурого, освобождала полку для флешки. Я помнил, как она это делала, и оттого обычный запах борща только злил: почему дома пахнет как всегда, когда ничего уже не как всегда? Мама знает то, чего я ещё не знаю, а Хмурый и за утренним чаем не даёт мне покоя. Теперь я смотрел на обычную кухню и искал, что ещё придётся

прятать. Чай давно стал холодным. Полицейскому я всё-таки позвонил; дети доехали, вопрос про груз он не задал. Теперь очередь флешки. Пальцы ныли под повязками, и всё же чашку я держал. С руками мама помогла; оставалось не задевать ожоги. А Хмурого ни перевязать, ни оставить на ночь в холодильнике не получилось — он снова говорил, перебивая мои мысли. Хмурый опять требовал груза. Я пытался допить чай, но возвращался мыслями к коробке в холодильнике. Вчера мать подсказала, куда её спрятать. Сегодня вынуть и открыть должен я, сколько бы ни хотелось посидеть ещё за кружкой.

Мать ушла в магазин за хлебом и молоком, оставив меня одного. Перед уходом она посмотрела на меня, и я уже приготовился отвечать про руки, про ночь, про то, почему не спал. Но мама ничего не спросила. Я остался сидеть над холодным чаем. Вчера она сама помогла спрятать флешку; теперь я даже не мог утешиться тем, что она ничего не знает. Знает достаточно, чтобы бояться, а объяснить остальное я ей пока не умею.

Я достал из холодильника жестяную коробку из-под печенья и поставил на стол. Та самая, куда я вчера засунул находку мертвеца. Коробка стояла ровно, не вибрируя, не светясь. После холодильника крышка больше не звенела. Но стоило мне протянуть руку к крышке, как в голове раздался щелчок. Пальцы замерли над жестью. Щелчок будто прошёл внутри черепа: я даже прислушался к кухне, но там всё осталось по-прежнему. А в голове уже проснулся Хмурый.

«Не играй», — проскрипел голос Хмурого. От этого хрипа я невольно сглотнул: будто ржавчиной драли горло мне, а слова всё равно выговаривал он. *«Или всё сдохнет. Твоя мать сдохнет. Ты сдохнешь. Груз должен быть доставлен».*

— Заткнись, — я прижал крышку и подождал, пока перестанет дёргаться рука. Приходилось разговаривать вполголо-са: дверь в прихожую была открыта, мать могла вернуться в любую минуту. Вчера я обещал маме поспать. Теперь представлял, как она вернётся и услышит, с кем я ругаюсь за её столом. Спросит, что случилось, — а я даже не знаю, чем ей грозит этот мертвец. Он-то знает; только вместо ответа требует груз.

Я открыл коробку. Внутри, среди крошек печенья и старой газеты, лежала флешка. Матовый чёрный пластик ничего не говорил мне о том, что внутри. После вчерашнего хотелось сначала убедиться: флешка сейчас просто лежит? Я подождал, потом принялся читать надписи — хоть здесь разберусь без подсказок Хмурого. `NMUR\_09` было выгравировано крупно; под ним пришлось взглядеться в мелкий серийный номер. Начинался он с «СМ». Конечно. Северный Меридиан умудрился достать меня даже за кухонным столом. Вчера использовал как мясо для приманки монстров, а шесть лет назад забрал отца в рейд, из которого тот не вернулся. Я всё ещё держал его клановую флешку.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.